

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ВЕБЕР

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК316(430)(091)
ББК87.6
В26

Подписано в печать 03.02.06. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 5 000 экз. Заказ № 6266

Макс Вебер за 90 минут/сост. Д. Митюрин. — М.: АСТ;
В26 СПб.: Сова, 2006. — 95, [1] с.

ISBN5-17-035917-9

В книге «Вебер за 90 минут» рассказывается о жизни и трудах выдающегося немецкого философа, социолога и культуролога Макса Вебера, основоположника «понимающей социологии» и теории социального действия. Книга также содержит выдержки из работ мыслителя и важнейшие даты, помогающие понять место Вебера в его эпохе и в философской традиции.

УДК 316(430)(091)
ББК 87.6

Научно-популярное издание

МАКС ВЕБЕР ЗА 90 МИНУТ

Составитель *Д. Митюрин*

Ответственный редактор *О. Сабурова*
Художественное оформление *А. Филиппова*
Компьютерная верстка *Е. Сальникова*
Технический редактор *М. Водолазова*
Корректор *Е. Гейдель*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — научная и популярная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Сова»
195112, г. Санкт-Петербург, а/я № 51
E-mail: oosova@mail.wplus.net

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Гипография ИПО профсоюзов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

© Д. Митюрин, составление, 2006
© ООО «Издательство «Сова», 2006

ВВЕДЕНИЕ

Хотя Макс Вебер и является одним из основателей современной социологии, его трудно отнести к незыблемым авторитетам. Скорее его можно назвать интересным собеседником, с которым хочется не просто познакомиться, но и поспорить...

Вебер был вторым после Маркса ученым, сумевшим дать наиболее последовательное и логичное объяснение тем культурно-историческим процессам, которые происходили как в Европе, так и за ее пределами. Неудивительно, что двух этих «отцов-основателей» социологии противопоставляли друг другу, причем это противопоставление зачастую выходило за рамки научных дискуссий, перемещаясь в политическую плоскость.

Внимательное изучение трудов Вебера позволяет прийти к выводу, что его расхождения с Марксом не более принципиальны, нежели расхождения со многими другими учеными-социологами. Создатель научного коммунизма считал гибель капитализма неизбежной и желательной, а при анализе текущего положения вещей обращал внимание исключительно на экономические факторы. Теория Вебера сложнее, в ней учитываются те факты, которые игнорировались Марксом и которые, как это стало очевидно сегодня, игнорировались совершенно напрасно.

С другой стороны, концепция Вебера не отличается цельностью и, по сути, складывается из множества аксиом, теорем, предпосылок, предположений, тезисов и гипотез. Отсутствие систематики и наличие противоречий превраща-

ют его наследие в «огромную каменоломню, которую можно по-разному эксплуатировать, охранять, рассматривать и которой можно удивляться» (Д. Кеслер).

И все же сокровища, хранящиеся в этой каменоломне, огромны. Многие понятия, введенные «с легкой руки» Вебера, прочно вошли в современную социологию. Современные ученые и сегодня по-разному интерпретируют веберовское наследие.

Наверное, именно в этом и заключался главный смысл его творчества. Возможность и необходимость все новых вариантов прочтения трудов Вебера уводит его коллег от узкодисциплинарной и узконациональной ограниченности. И хотя сам он никогда не отделял себя от своего времени и своего класса, будучи большим ученым, он сумел выйти за очерченные судьбой рамки и шагнуть в вечность.

ЖИЗНЬ УЧЕНОГО

Семья

Карл Эмиль Максимилиан Вебер родился в Эрфурте (Тюрингия) 21 апреля 1864 года в богатой буржуазной семье. Его дед по отцовской линии был крупным промышленником, сколотившим состояние на торговле текстилем, другой дед по линии матери принадлежал к состоятельному англо-немецкому купеческому роду Валленштейнов. Клан Веберов-Валленштейнов (вместе с родственными им семействами Иолле, Суше и Бенекке) играл очень заметную роль в экономике Германии.

Год рождения Макса Вебера совпал с короткой войной между Германией и Данией, которая положила начало объединению немецких земель вокруг Пруссии и появлению Германской империи.

В 1869 году, после рождения еще одного сына Альфреда, Веберы переехали в Берлин и поселились в одном из пригородов прусской столицы — Шарлоттенбурге.

Глава семейства Максимилиан Вебер был ярким шовинистом и большим поклонником Бисмарка. Вступив в национал-либеральную партию, он несколько раз избирался депутатом прусского ландтага, а позже добрался и до имперского парламента — рейхстага, где стал одним из руководителей заседавшей там либеральной фракции.

В отличие от отца, человека очень деятельного и жизнелюбивого, мать Макса Элен (урожденная Валленштейн) была женщиной строгой и глубоко верующей. Хотя наиболее известный ее предок (генералиссимус Альбрехт фон Валленштейн) прославился как защитник католической веры, сама она была яркой кальвинисткой и вела аскетический образ жизни.

Благодаря родителям, Вебер-младший еще в детстве познакомился с представителями германской интеллектуальной элиты того времени. В доме бывали знакомые и друзья отца, такие как историк и политик Генрих фон Зибель, историк Генрих Трейчке, философ и основатель «понимающей» психологии Вильгельм Дильтей, а также знаменитый историк Древнего Рима Теодор Моммзен. Все они по своим политическим убеждениям были сторонниками Бисмарка, выступавшего за объединение Германии вокруг Пруссии. Правда, если создатель Второго Рейха объединял Германию «железом и кровью», то многие из окружения Вебера-старшего предпочитали наблюдать нежели действовать.

Среди знакомых матери следует выделить двух историков либерального направления — Фридриха Шлоссера и его ученика Георга Гервинуса. Оба они ненавидели тот воинственный прусский дух, который стал духом Второго Рейха. Германия для них была в первую очередь родиной Гете и Шиллера, страной образцовой западноевропейской культуры. За свои взгляды Гервинус вместе с шестью дру-

гими профессорами был уволен из Геттингенского университета.

Шлоссер же после смерти отца Элен жил в доме Валленштейнов на правах друга семьи. Он пытался играть при ней роль своеобразного духовного наставника. В конце концов, пожилой ученый воспылил страстью к юной девушке и настолько докучал ей своими ухаживаниями, что она вынуждена была переселиться к своей сестре Иде, жившей в Берлине вместе с супругом, известным историком Генрихом Баумгартеном. Здесь Элен познакомилась с Вебером-старшим и вышла за него замуж.

Как видим, атмосфера, в которой рос Вебер-младший, была наполнена не только интеллектуальными дискуссиями, но и весьма запутанными личными отношениями, что, несомненно, повлияло на его творчество.

Детство и отрочество

В раннем детстве Макс заболел менингитом. Вынужденное затворничество развило в нем созерцательность, которая с годами переросла в страсть к чтению и литературным опытам. Учеба сначала в частной школе, а затем в одной из берлинских классических гимназий, отнюдь не сделала его более общительным. Хотя отношения с товарищами и преподавателями складывались вполне нормально (как ни странно, тихий и задумчивый юноша периодически участвовал в кутежах), царившая в этих заведениях почти военная дисциплина явно ему не нравилась.

Большую часть времени он посвящал занятиям. Макс много читал Лютера, Макиавелли, Канта, Шопенгауэра. В 13 лет им уже были написаны несколько очерков по римской и германской истории, а также философскийopus «*Размышление о национальном характере, развитии и истории индогерманских народов*».

Окончив в 1882 году гимназию, Вебер поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, одного из самых престижных в стране. Кроме юриспруденции Макс изучал еще историю и теологию. Он, видимо, колебался между карьерой политика и карьерой ученого. Первая позволила бы удовлетворить его стремление к «реальной» деятельности, вторая — отвечала интеллектуальным склонностям.

Студенческая жизнь Вебера была похожа на жизнь любого нормального немецкого «бурша» — с вечеринками и потасовками. Последствия бурной молодости вполне отразились на его внешности и здоровье.

Подобно большинству молодых немцев его поколения, Макс, выросший под грохот побед, которые сопровождали строительство Германской империи, был не чужд военной романтике.

В 19-летнем возрасте, отложив на время учебу, Вебер добровольно отправился в Страсбург, где прослужил год в одной из армейских частей — сначала солдатом, а затем офицером. Выйдя в запас, он и потом с неизменным энтузиазмом посещал военные сборы (в 1885, 1887 и 1888 годах), но все-таки избрал карьеру ученого.

Возможно, на принятое им решение повлияла семья сестры его матери. Ида и Генрих Баумгартены жили в то время в Страсбурге, и Макс часто бывал в их доме. Однако отец юноши не приветствовал эту дружбу и даже воспользовался своими связями, чтобы ускорить присвоение своему сыну офицерского звания.

Поднявший копьё

Вернувшись из Страсбурга, Вебер продолжил учебу, но уже не в Гейдельбергском, а в Берлинском университете. В 1886 году он сдал экзамен по юриспруденции и, перейдя в Геттингенский университет, еще через три года защитил

диссертацию «К истории торговых обществ в Средние века». Эта его работа сразу же привлекла внимание научного сообщества.

Чтобы материально не зависеть от родителей, Макс устроился на работу помощником адвоката, а в 1894 году стал членом Германской адвокатской коллегии. Вебер все еще колебался в выборе между политикой и наукой и как можно дольше пытался сохранить за собой оба варианта. В любом случае — из адвокатов было достаточно просто перепрофилироваться в политики. Следуя по стопам отца, Макс даже вступил в национал-либеральную партию.

В 1891 году Вебер занял должность приват-доцента Берлинского университета. Круг его исторических интересов начал сдвигаться от Средневековья к периоду Античности. Тогда же он стал сотрудничать с Союзом социальной политики и реформистским Евангелическо-социальным конгрессом. Задачей этих организаций было смягчение наиболее вопиющих социальных контрастов капиталистического общества. Руководители конгресса надеялись также убедить капиталистов добровольно расстаться с частью своих доходов во имя соблюдения христианских заповедей.

Как представителю этих организаций, молодому ученому довелось провести несколько исследований, имевших вполне прикладное значение. Благодаря опросу сельскохозяйственных рабочих, проведенному им в районах к востоку от Эльбы, были получены ценные статистические сведения. Ссылаясь на эти данные, Союз социальной политики добился принятия мер, которые способствовали некоторому облегчению положения батраков. Сам Вебер приобрел репутацию «аграрного эксперта с националистическим духом», однако, такая практическая работа все-таки была для него, скорее, исключением, нежели правилом.

Тем не менее, занимаясь Античностью и Средневековьем, он находил в этих эпохах черты современного ему капитализма. Речь в данном случае шла, конечно же, ни о

формах собственности, а о способах хозяйствования. Здесь Вебер шел следом за своими академическими учителями — Карлом Книсом, Августом Мейтценом и Левином Гольдшмидтом. И все же написанная им в 1893 году диссертация «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» даже специалистов поразила новизной и оригинальностью некоторых трактовок.

Как отмечает современный немецкий социолог Д. Кеслер, закат Римской империи в изложении Вебера выглядел следствием аграрно-капиталистической бесхозяйственности и абсолютного неумения имперских правителей разбираться в проблемах экономики. Сегодня такая трактовка выглядит несколько упрощенной, но современникам Вебера она показалась убедительной. Даже Теодор Моммзен, живой классик и корифей тогдашней исторической науки, ознакомившись с его диссертацией, написал: «Когда я должен буду сойти в могилу, я с радостью скажу никому иному, кроме высокочтимого Макса Вебера: Сын мой, вот мое копье, которое стало слишком тяжелым для моей руки».

К сожалению, Веберу не понадобилось копье, унаследованное от Моммзена. Он так и не стал «полноценным» историком, тем более такого специфического периода как Античность. В сущности, рамки какой-либо одной научной дисциплины вообще оказались слишком тесны для него; он был и политическим экономистом, и юристом, и философом, и, наконец, социологом. В результате Вебер превзошел Моммзена во всех сферах кроме одной — истории Древнего Рима.

Самые счастливые годы

В 1893 году Вебер блистательно защитил диссертацию. Произошли изменения и в его личной жизни — он женился на своей троюродной сестре Марианне Шнитгер. Марианна

оказалась идеальной спутницей жизни для Макса. Она создала ему прекрасные условия для работы, и не докучала ревностью. Последнее достоинство было не лишним, поскольку яркая личность Вебера магически действовала на женщин. Тем не менее во многом именно благодаря долголетию супруги все его увлечения носили мимолетный характер. Сам он, во всяком случае, считал себя «не способным любить», а собственную жену воспринимал не столько как женщину, сколько как надежного друга. Впоследствии, после смерти супруга, Марианна многое сделала для пропаганды его имени...

В 1894 году Вебер занял должность профессора политической экономии в университете Орейбурга и собирался очень серьезно заниматься преподавательской деятельностью. Свой выбор он обосновал таким образом: «На самом деле, я все-таки не ученый; научная деятельность для меня — лишь отдохновение в часы досуга... Мне необходимо ощущение активной практической деятельности, и я надеюсь, что преподавательская сторона должности профессора удовлетворяет это мое страстное желание».

Во Фрейбурге им были написаны две брошюры чисто экономического характера «*Биржа и биржевые сделки*» и «*Биржа и ее значение*», которые стали первыми его сочинениями, переведенными в России.

В 1896 году Вебер вновь возвратился в Гейдельбергский университет на кафедру национал-экономии и финансов, унаследованную от своего учителя Карла Книса. В неофициальном рейтинге германских научно-учебных заведений эта кафедра занимала намного более высокую позицию, нежели аналогичная во Фрейбурге. Вебер был блестящим оратором и, бесспорно, умел «зажечь» студенческую аудиторию. Неслучайно один из слушателей этих лекций вспоминал: «Его обросшее растрепанной бородой лицо источало сумеречный жар образов бамбергских пророков... Он яростно уничтожал все покровы любых ожиданий».

Болезнь

К 30 годам у Вебера были все условия для идеальной научной карьеры. Но в этот момент в жизни ученого происходит личная драма...

С самого детства Макс разрывался между своими родителями. В юности он больше ориентировался на отца, пытаясь, подобно Веберу-старшему, «взять от жизни все, что можно». Однако со временем, в значительной степени благодаря Генриху Баумгартену, нравственные ориентиры Макса начали меняться. Он все больше сближался с матерью, принимая ее сторону во время семейных конфликтов.

В начале 1897 года между сыном и отцом состоялось бурное объяснение. Вебер-младший обвинил родителя в том, что своими изменами и легкомысленным образом жизни он унижает мать, которая, бесспорно, достойна лучшей участи.

Взбешенный Вебер-старший покинул дом, фактически разорвав отношения с женой и сыном. Через семь недель пришла весть о том, что отец умер от желудочного кровоизлияния.

Сын винил себя в смерти отца, что привело к нервному срыву. Макса мучила бессонница, часто он не мог сдержать рыдания. Целых четыре года оказались вычеркнутыми из жизни.

Мемуаристы описывали его состояние как «близкое к коллапсу», а мать, вместо слов поддержки, советовала «не распускаться» и «взять себя в руки». Опорой для Вебера была только супруга. В это тяжелое для мужа время она сопровождала его в путешествии по Европе (в основном по Италии) и Северной Америке.

К счастью, финансовых проблем для Вебера не существовало. Даже в периоды, когда он не мог зарабатывать на жизнь, нехватка средств легко покрывалась за счет семейных капиталов.

Меж Кантом и Ницше

Макс заболел в возрасте 33 лет, когда многие начинают задумываться о смысле жизни. Некоторые биографы считают, что именно благодаря перенесенным душевным страданиям Вебер окончательно решил посвятить себя научной деятельности.

Более четко определилась тематика его исследований, на которых тоже лежал отпечаток перенесенных личных потрясений. В наиболее известных своих работах он постоянно обращается к двум темам — лидерству в политике (привет отцу) и влиянию духовного религиозного фактора на жизнь общества (привет матери).

Двойственность веберовской натуры сказалась и на его мировоззрении. С одной стороны, он находился под мощным влиянием кантовской философии, привлекавшей его своим этическим пафосом. Кантовскому нравственному требованию честности и добросовестности в научных исследованиях он оставался верен до конца жизни.

С другой стороны, Вебер чтит Т. Гоббса и Н. Макиавелли, разделяя их политический реализм и желание любой ценой добиться цели. Сильное впечатление произвел на него и Ф. Ницше, считавший нравственные ограничения уделом слабых.

Итак, с одной стороны идеалист И. Кант, с другой — реалист (в узко политическом смысле этого слова) Н. Макиавелли и «сильная личность» Ф. Ницше. Оказавшись между этими двумя полюсами, Вебер так и не смог достичь гармонии ни в своей душе, ни в своих теоретических построениях.

Возвращение в науку

В 1901 году Вебер вернулся к научной деятельности и начал работу над сочинением *«Протестантская этика и дух капитализма»*, многие положения которого явно выте-

кали из опыта его собственного общения с матерью. К этому же времени относятся его попытки вернуться к преподавательской деятельности.

Гейдельбергский университет предложил ему должность «почетного профессора», что означало неполную рабочую неделю и отсутствие права голоса на Ученом совете. Вебера это устраивало, но даже сравнительно небольшая нагрузка вскоре уже казалась ему непосильной. В 1907 году он получил значительное наследство и вышел в отставку. С этого момента Вебер стал «свободным ученым».

Впрочем, работы у Вебера хватало и без университета. В 1903 году вместе с Эдгаром Яффе <...> и Вернером Зомбартом (экономистом, историком и философом) он начал издавать «Архив социальной истории и социальной политики», ставший самым известным германским (да, пожалуй, и европейским) социологическим журналом. В 1904—1905 годах в журнале была опубликована *«Протестантская этика и дух капитализма»*, наделавшая много шума.

В августе 1904 года вместе с женой и другом семьи Эрнстом Трельчем, теологом и теоретиком культуры, Вебер приехал в Америку на Интернациональный конгресс искусства и науки, который проходил в рамках Всемирной выставки в Сент-Луисе. Здесь он встречался не только с учеными и деятелями искусства, но и с представителями различных протестантских течений, промышленниками, политиками.

Четыре месяца, проведенные в США, оказались чрезвычайно насыщенными. Вебер с огромным интересом наблюдал за жизнью американцев. Больше всего его поразили самостоятельная политика президента Теодора Рузвельта, тамошняя «политическая машинерия», американский феминизм, расовый вопрос и крайняя бюрократизация в экономической сфере. Посещение Сент-Луиса стало для четы Веберов своеобразным путешествием в будущее, заставив их по-другому взглянуть на многие проблемы Старого Света.

Вебер и Россия

В это же время Вебер с большим интересом следил за событиями русской революции 1904—1905 годов. После введения в России конституции, им были написаны две статьи: «К положению буржуазной демократии в России» и «Переход России к мнимому конституционализму». В них он подвергал сомнению искренность сделанных царем уступок и способность русского общества воспользоваться своими завоеваниями.

Обе статьи вышли в России в виде отдельной брошюры, перевод которой был сделан женой известного русского социолога-неокантианца Б. Кистяковского. Сам Кистяковский получил образование в Германии, переписывался и лично встречался с Вебером, а также снабжал его научными и статистическими материалами. Он же помог ему и с изучением русского языка. Русский стал одним из тех семи или восьми языков, на которых Вебер объяснялся совершенно свободно.

В 1906 году в Петербурге была напечатана его книга «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии», в которую вошли и обе его статьи о русском конституционализме. Книгу немедленно запретили как антироссийскую и революционную, а все экземпляры, успевшие поступить в продажу, были конфискованы и подверглись сожжению.

П. Струве и С. Булгаков, тогдашние властители дум российской интеллигенции, обошли работу Вебера молчанием, хотя и были знакомы с ее содержанием. Объяснялось это, возможно, тем, что немецкий ученый, по сути, призывал продолжать и углублять революцию, а для наиболее проницательных русских мыслителей было уже очевидно, что революционный путь может привести в пропасть.

Любопытно, что тот же С. Булгаков в сборнике «Вехи» опубликовал статью «Героизм и подвижничество», где проанализировал веберовские идеи о протестантской хозяй-

ственной этике и «духе капитализма». Судя по содержанию статьи, С. Булгаков считал, что этот «дух» отнюдь не был лишним и для России.

И все же в России Вебера, как сторонника «Великой Германии», автоматически причислили к «русофобам», а потому не печатали вплоть до начала 1920-х годов, пока Россию царскую не сменила Россия советская. Затем, когда после сближения с Германией наступил период «охлаждения», издавать его снова перестали. «Второе открытие» Макса Вебера произошло только в конце 1980-х годов, во времена «перестройки», и продолжается вплоть до сего времени.

Перед войной

Период между возвращением из Америки и началом Первой мировой войны был наиболее продуктивным для Вебера. В это время вышли статьи, которые стали классикой социологической науки: «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904), «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906), «Смысл „свободы от оценки“ в социологической и экономической науке» (1913).

В 1908 году, окончательно размежевавшись с Союзом социальной политики, Вебер решил создать сугубо научную организацию, в которой занимались бы исключительно естественно-научными исследованиями.

3 января 1909 года состоялся учредительный конгресс Немецкого социологического общества, на котором был избран президиум новой организации в составе Фердинанда Тенниса (председатель), Вернера Зомбарта, Георга Зиммеля и Макса Вебера (казначей). Именно тогда сам Вебер впервые назвал себя социологом...

В том же 1909 году тюбингенский издатель Пауль Зибек предложил Веберу редактировать многотомные «Очерки со-

циальной экономики». Третья часть, носившая общее название «Хозяйство и общества», должна была состоять из двух больших блоков. Один из них — «Хозяйство, общественные порядки и власти» — писал Макс Вебер, другой — «Развитие хозяйственных и социально-политических систем и идеалов» — Ойген фон Филиппович.

Наряду с редакционной работой Вебер участвовал и в политической жизни Германии. Правда, в реальности это участие ограничивалось ролью мудрого советника, к которому почти не прислушиваются власть предержащие. Хотя Вебер вполне разделял господствующие в германском обществе шовинистические настроения, он не был уверен, что нынешние правители действительно смогут установить гегемонию Германии во всем мире.

То что именно Германия является образцом для других стран, не вызывало у него особых сомнений, равно как и то, что главной угрозой для западной цивилизации является самодержавная Россия. Именно поэтому известие о начале Первой мировой войны он встретил с подъемом, тут же изъявив желание послужить Родине.

Война

Во время войны Вебер стал директором открывшегося в Гейдельберге армейского госпиталя, где действительно делал все, чтобы максимально улучшить положение раненых. С утра до ночи добывая продукты питания и медикаменты, он стремительно носился по городу на машине желтого цвета, прозванной местными жителями «желтой опасностью».

Честно выполняя долг перед Родиной, Вебер отнюдь не скрывал, что считает нынешнее руководство Германии (включая кайзера) не соответствующим своему высокому назначению. Вина их, по его мнению, заключалась в том, что они так и не смогли разрушить альянс между самодержавной Росси-

ей и «демократическими» западными державами. Хотя, в глазах Вебера, подобный альянс был абсолютно противоестественен, как с идеологической, так и с геополитической точек зрения.

На страницах «Франкфуртер цайтунг» он весьма задиристо напал на правительство, из-за чего газета имела весьма серьезные неприятности с цензурой. В конце концов, трения с властями заставили его вернуться к преподавательской деятельности и принять предложенное ему место профессора Венского университета. Здесь Вебер читал лекционный курс «Хозяйство и общество» (с весьма характерным уточняющим подзаголовком «Позитивная критика материалистического понимания истории»), а также вел семинары по социологии. В это же время появились его религиозно-социологические труды о буддизме, индуизме (1916-1917) и античном иудаизме (1917—1919).

В Вебере словно открылось второе дыхание, однако поражение Германии стало для него страшным потрясением. Как личность и как ученый он сформировался во второй половине XIX века, в той старой доброй Европе, где люди, подобные Сталину или Гитлеру, заканчивали свою жизнь в тюрьме или в сумасшедшем доме, а уважение к личности гарантировалось не столько конституцией, сколько самим образом жизни общества.

У него на глазах этот тихий уютный мир рушился. Вместо него требовалось построить что-то новое. Макс Вебер решил принять участие в этом строительстве.

В новой Германии

В Германии кайзер Вильгельм II отрекся от престола. Вместо монархии была провозглашена республика. Сам Вебер никогда особенно не скрывал, что является «продуктом» и выразителем интересов вполне конкретного социаль-

ного слоя, к которому он принадлежал по праву рождения. Он откровенно жалел о гибели старого мира, заявив в январе 1919 года: «Ради восстановления Германии в ее прежнем великолепии я бы связался с любой властью на земле, даже с чертом во плоти».

Когда в Германии началась борьба между «красными» и «белыми», все симпатии Вебера были на стороне «белых». Тем не менее самые страшные и тяжелые месяцы начавшегося противостояния он предпочел пересидеть в Австрии. В той самой Австрии, которую в XVII веке его предки по отцовской линии покинули из-за религиозных преследований и которая теперь, плавно и без особых потрясений, смогла трансформироваться из «лоскутной империи» в очень уютное центральноевропейское государство.

Вебер продолжал преподавать в Венском университете. Вдали от кровавых схваток он размышлял над ролью личности в истории, а также над тем, какими качествами должен обладать настоящий лидер. Результатом этих размышлений стали два знаменитых доклада — «*Политика как призвание и профессия*» (1919) и «*Наука как призвание и профессия*» (1920) — прочитанные им по приглашению Свободного студенческого союза. Впоследствии они были изданы. Как отмечают биографы, эти работы выражают жизненное кредо Макса Вебера, а также его так и не разрешенные до конца сомнения о своем собственном жизненном предназначении.

В 1919 году, после разгрома Баварской советской республики, Вебер переехал в Мюнхен и стал профессором местного университета. Будучи достаточно видной фигурой в национал-либеральной партии, он в качестве ответственного эксперта участвовал в Версальской мирной конференции. Несколько позже, по настоянию Пройса, главного идеолога Веймарской конституции, ученого включили в группу специалистов, работавших над ее текстом.

В мечтах о Цезаре

Веберу иногда приходилось выполнять миссии весьма деликатного свойства. Так, по просьбе правительства Веймарской республики именно ему пришлось уговаривать Людендорфа (крупного немецкого военачальника) сдать Антанте в качестве военнопленного.

Переговоры оказались безрезультатными, но сама беседа была записана Марианной Вебер. Запись демонстрировала, каким требованиям, по мнению Вебера, должен был соответствовать настоящий вождь и настоящий политик.

В ответ на прозвучавшее из уст Людендорфа обвинение в том, что он защищает демократию, Вебер поинтересовался: «Вы думаете, что то свинство, которое мы имеем сегодня, я принимаю за демократию?» Далее диалог протекал следующим образом:

«Людендорф: Если Вы так говорите, мы с Вами, может быть, найдем общий язык.

Вебер: Но свинство, которое было раньше, тоже не было монархией.

Людендорф: Что Вы считаете демократией?

Вебер: В демократии народ выбирает вождя, в которого верит. Затем избранник говорит: „А теперь заткнитесь и подчиняйтесь!“ Народ и партии не смеют и пикнуть.

Людендорф: Мне такая демократия подходит.

Вебер: Потом народ может судить. Если вождь совершил ошибки, то пусть лезет в петлю».

Сегодня эта беседа вызывает весьма любопытные ассоциации, особенно если учесть, что именно Людендорф стал своеобразным предтечей национал-социалистического движения. Да и нацистский «мессия», Гитлер, слишком напоминает того самого вождя, которого народ выбрал и который потом сказал всем «Заткнитесь!».

По мнению Вебера, именно такой вождь, выбранный всей нацией и правящий без оглядки на бюрократию и все-

возможные «элиты», как раз и требовался Германии. Избираться такой вождь должен был всем народом. Именно тогда и во многом благодаря усилиям Вебера в конституцию Веймарской республики была включена 41-я статья, гласившая, что глава государства (президент) избирается всем народом. Эта же статья требовала, чтобы президент назначал министров из числа депутатов рейхстага, но сохраняла за ним право обращаться к народу через голову рейхстага, устраивать референдумы и распускать парламент.

Веберу в данном случае удалось провести свой принцип выдвижения плебисцитарного лидера, что впоследствии было использовано нацистами. Тем не менее обвинять ученого в профашистских симпатиях совершенно несправедливо. Фашизм при его жизни был всего лишь новорожденным младенцем. Что же касается тех веберовских высказываний, которые в той или иной степени пересекаются с нацистскими тезисами, то они достаточно типичны для всех немецких философов. Даже основатель научного коммунизма Карл Маркс видел в славянах врагов прогресса, а своих соотечественников, напротив, считал его главными носителями. Тем не менее никто не обвиняет Маркса в пропаганде национализма и расовой ненависти.

Достаточно типична для немецких философов и мечта о сильном лидере. Неслучайно в том же 1918 году младший современник Вебера Огюст Шпенглер высказал предположение, что «до Гете мы, немцы, больше никогда не дойдем, но можем прийти до Цезаря».

Ни Вебер, ни Шпенглер, конечно же, не могли и предположить, что, материализовавшись, новый вариант Цезаря обретет черты Адольфа Шикльгрубера.

Кончина

Конечно, и для мира и для Германии было бы лучше, если бы во главе немецкого национального движения встал какой-нибудь интеллигент вроде Макса Вебера. Он навер-

няка никогда бы не дошел ни до антисемитизма, ни до идеи полного уничтожения «недочеловеков». Но в том-то и заключается проблема интеллигенции, что ее наиболее достойные представители не приспособлены для такой «грязной» и приземленной сферы, как политика.

В 1919—1920 годах Вебер честно пытался служить Германии именно на политическом поприще. Вместе с другими либеральными политиками он участвовал в создании Демократической партии и даже претендовал на то, чтобы стать ее лидером. Шансы столь блестящего оратора и великого труженика были очень велики, но партийные бюрократы сделали все, чтобы «прокатить» его на выборах Учредительного комитета. Он был слишком яркой личностью, а его неосведомленность в различных «тонких» вопросах могла поломать многие политические комбинации.

Вебер очень переживал из-за поражения, которое, видимо, было для него благом. Его искренность и порывистость вряд ли могли помочь во всевозможных манипуляциях и интригах. Приступы неуверенности, а также надежда на то, что к вершинам власти можно подняться «малой кровью» и не изменяя своим убеждениям, тоже не способствовали его политической карьере.

Вебер часто пасовал в решающие моменты, оправдываясь... своим максимализмом. Ему, якобы, требовалось все или ничего, хотелось полной и безоговорочной победы, а потому он не спешил действовать.

«У меня такое чувство, что жизнь все еще что-то утаивает от меня», — говорил ученый и надеялся, что судьба бережет его для великих дел, совершив которые он встанет в один ряд с Оттоном Великим, Фридрихом Барбаросой и Бисмарком. В действительности это была лишь иллюзия.

Макс Вебер умер от пневмонии 14 июня 1920 года в Мюнхене, там же был кремирован и через некоторое время похоронен в Гейдельберге.

Посмертная слава

Смерть Макса Вебера, хотя и не прошла незамеченной соотечественниками, не вызвала особого резонанса. В стране начался очередной внутренний кризис. Политические баталии интересовали всех больше, чем научные.

Тем не менее усилия вдовы по пропаганде научного наследия ее мужа дали определенные результаты. Стараниями Марианны Вебер были изданы ранее не публиковавшиеся произведения покойного. На протяжении довольно короткого времени один за другим вышли сборники *«Политические сочинения»* (1921), *«Собрание сочинений по наукоучению»* (1922), *«Собрание сочинений по социальной и экономической истории»* (1924), *«Собрание сочинений по социологии и социальной политике»* (1924).

Фамилия Вебер была на слуху отчасти и благодаря родному брату Макса Альфреду (1868—1958), который тоже был социологом и завоевал довольно широкую известность своим активным неприятием нацизма.

Настоящая же посмертная слава пришла к Веберу в 1930-х годах благодаря американскому социологу Толкотту Парсонсу. Гарвардский ученый сначала перевел на английский его *«Протестантскую этику»*, а несколько позже, в своем главном труде *«Структура социального действия»* (1937), выступил как популяризатор веберовских взглядов.

После Второй мировой войны о Вебере опять забыли. В вузах ФРГ социологи изучали не столько своих соотечественников, сколько современных американцев, таких как Р. Мертон и Т. Парсонс. Подобная практика являлась частью «перевоспитания» и «переориентации» немцев на ценности западных демократий.

Только Гейдельбергский съезд социологов, проведенный в 1964 году и приуроченный к 100-летию Макса Вебера, прояснил немцам подлинное значение их великого соотечественника. Знаменитые социологи со всего мира

собрались почтить память своего общего «отца». Здесь были Т. Парсонс (Гарвард), П. Росси (Турин), Р. Арон (Париж), Г. Маркузе и Р. Бенедикс (Беркли). Все они вспоминали того человека, который наряду с Карлом Марксом и Эмилем Дюркгеймом стал одним из столпов мировой «социологической троицы».

Труднопостижимость Макса Вебера

Макс Вебер принадлежал к числу тех ученых, которых принято называть «энциклопедистами» и которые почти исчезли сегодня. Вебер с одинаковым успехом выступал в роли историка хозяйства, политических институтов, религии. Однако стремительность, с которой он перескакивал из истории в философию, из философии в социологию, из социологии в юриспруденцию и т. д., усложняет целостное восприятие его научного наследия.

Бесспорно, наибольшую известность он приобрел как социолог, но и здесь все выглядит не так просто. Он не создал какой-либо единой социологической теории. Работая то в одном, то в другом направлении, занимаясь то религиозоведением, то вопросами методологии, он возвращался к уже отработанным темам, добавлял к ним что-то новое, но, кажется, даже не пытался построить из этих весьма разнородных «блоков» некое единое здание.

Изучать его научное наследие, видимо, также придется «блоками», учитывая при этом, что каждый «блок» состоит из весьма разнородных и не очень надежно скрепленных между собой «кирпичиков».

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

«Протестантская этика и дух капитализма»

Именно это произведение стало самым известным из тех, которые вышли при жизни Макса Вебера. В нем он рассмотрел рациональность как специфическую черту западноевропейского развития. Причины формирования рациональности Вебер связал с известными видами рационального жизненного поведения, назвав его «капиталистическим духом».

Свою работу он начал с отрицания расхожего представления о капитализме как о явлении, прежде всего связанном с наживой. «Стремление к предпринимательству, стремление к наживе, к денежной выгоде... само по себе не имеет ничего общего с капитализмом», — писал ученый (*«Протестантская этика и дух капитализма»*, 1905). Тем не менее капитализм отнюдь не исключает этого «стремления к наживе», поскольку отсутствие ориентации на рентабельность неизбежно обрекает его на гибель.

Если же говорить о капитализме как хозяйственной деятельности, то, согласно Веберу, он существовал во всех государствах античного мира. Что касается самого автора, то его интересовали не формы капитализма (авантюристический, торговый, милитаристский, политический), а сам процесс «возникновения буржуазного промышленного капитализма с его рациональной организацией свободного труда».

По мнению Вебера, «хозяйственное мышление» и формы хозяйства зависят от «определенной религиозной направленности». Так, особенности современного западного капитализма обусловлены идеологией протестантизма. Этот тезис он подтверждал статистическими данными, в частности, фактом преобладания протестантов среди владельцев капиталов и предпринимателей, среди высших квалифицированных слоев рабочих, а также среднего и высшего тех-

нического персонала современных предприятий. Это, по мнению Вебера, было связано со своеобразным складом психики, сформированным воспитанием и нашедшим свое выражение в профессиональной деятельности.

Сравнивая деятельность католиков и протестантов, Вебер, например, считал, что католики в области экономики выглядели довольно бледно, а главное — «не проявили специфическую склонность к экономическому рационализму». Причину данного феномена автор видел, прежде всего, в своеобразии каждого из вероисповеданий.

Но в чем же именно заключалось своеобразие протестантизма? Вебер отмечал у последователей этого религиозного направления приверженность к идее «долга по отношению к труду», что создавало благоприятную почву к пониманию труда как призвания.

Данное обстоятельство было определяющим мотивом в поведении европейской буржуазии. Истоки подобной мотивации следует искать во временах Реформации, когда, собственно, и появилась новая версия христианства — протестантизм с его этикой продуктивного труда, профессионального долга и частной инициативы.

Именно благодаря этому этическому ядру, как считал Вебер, протестантская религиозность оказалась наиболее адекватной формой для промышленного высокопродуктивного капитализма.

Лютеранство

Формирование «протестантской этики» и появление людей «нового типа» Вебер связывает с именем глашатая Реформации Мартина Лютера (1483—1546). Именно он произвел своеобразную переоценку смысла мирской деятельности, придя, в конце концов, к выводу о равенстве всех профессий перед Богом.

Монашество, по мнению Лютера, не только бессмысленно в качестве пути к спасению, но и является порождением эгоизма, равнодушного к тревогам и заботам мирской жизни. Другое дело, что, обосновывая мирскую деятельность как «богоугодную», Лютер, по мнению Вебера, был человеком достаточно «отсталым», так как сурово осуждал ростовщичество. Следовательно, не признавал и один из главных капиталистических принципов «время—деньги».

Так или иначе, но именно благодаря Лютеру, в противовес католической точке зрения, чрезвычайно возросло моральное значение профессионального мирского труда, достойное выполнение которого должно было приносить награду как в жизни земной, так и в жизни небесной.

Правда, по мнению Вебера, влияние лютеранства на историю капитализма менее очевидно, нежели других направлений протестантизма. Сам он избегал давать четкий ответ на вопрос: способствовал ли протестантизм пробуждению «капиталистического» духа? Присущие Веберу взвешенность и скрупулезность заставляли его воздерживаться от категорических выводов.

Он не разделял точку зрения, согласно которой само появление реформации являлось всего лишь следствием назревшей необходимости в определенных экономических изменениях.

Не соглашался Вебер и с тем, что капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации. По его собственному утверждению, в своей работе он лишь пытался установить, «играло ли также и религиозное влияние и в какой степени — определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии „капиталистического духа»" и какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию» {«*Протестантская этика и дух капитализма*»}.

Капиталистический дух порожден аскетизмом

Отталкиваясь от религиозно-этических устремлений тех, кто принадлежит к аскетическому крылу протестантизма, Вебер пришел к выводу, что именно аскетизм стал своеобразной системой самообуздания будущих функционеров капиталистического производства. Только аскетизм позволил укротить страсть к наживе таким образом, чтобы эта страсть вылилась в рационально организованную и математически выверенную в каждом звене систему непрерывного добывания прибыли.

С другой стороны, Вебер признавал, что в его время аскетизм представлял уже определенную угрозу: «В то время как аскеза перебралась из монашеских келий в профессиональную жизнь и подчинила себе внутримирскую мораль, она способствовала созданию того мощного космоса современного экономического уклада, который базируется на экономических и технических предпосылках механико-машинного производства. Этот космос сегодня с невероятной силой принуждения определяет и будет определять — до последнего центнера горючего вещества — стиль жизни всех тех, кто втянут в этот двигатель от рождения, а не только тех, кто связан с ним экономически прибыльной деятельностью. Только как тонкую накидку, которую можно сбросить в любой момент, следует, по Бакстеру, возлагать на плечи святых свои заботы о земных благах. Но из накидки рок делает стальной футляр...

Никто еще не знает, кто потом будет в этом футляре, или в конце этого чудовищного развития возникнут совершенно новые пророки, или восстанут старые идеи, но если не будет ни того, ни другого — не наступит ли механическое оцепенение с напряженным осознанием своей значимости. Вероятно, тогда для последних людей этого развития станут истиной слова: «Профессионалы без души, гедонисты без

сердца — и эти ничтожества возомнили, что они достигли ранее никому не доступный уровень развития человечества» {«*Протестантская этика и дух капитализма*»}.

Кальвинизм

Наиболее явно, по мнению Вебера, «капиталистический дух» выражен в четырех протестантских конфессиях — кальвинизме, пиетизме, методизме и анабаптизме.

Бесспорное первенство здесь как в хронологическом, так и в количественном (по числу адептов) отношениях принадлежит кальвинизму. Напомним, что мать-кальвинистка сыграла заметную роль в формировании веберовского мировоззрения, а потому остановимся на некоторых весьма важных моментах, связанных с идеологией этого религиозного направления.

Кальвинистская доктрина о предопределении гласит, что после грехопадения человек сам по себе уже не может ни добиться *Спасения*, ни иметь к этому волю. Спасение или гибель каждого уже предопределены Богом, и решение его непреложно.

К чему же это приводит, по мнению Вебера? «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь, прежде всего, один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе. Ни проповедник, понятный лишь избранным, ни таинства, бессильные стать средством к Спасению, ни церковь, формально, принимающая всех, но дарующая благодать только избранным, ни, наконец, сам Бог, умерший опять-таки для спасения избранных, — никто и ничто не может помочь человеку» {«*Протестантская этика и дух капитализма* »}.

Далее Вебер констатировал, что полный отказ от веры в спасение души с помощью церкви и таинств явился финальным аккордом, завершившим «великий историко-религиозный процесс расколдования мира. Результатом этого расколдования стала утрата главной ценности — веры во всеблагого Бога, и, как следствие, в достоверность Спасения».

Утрата этой веры — «следствие конфликта между рациональным притязанием и действительностью, рациональной этикой и частью рациональными, частью иррациональными ценностями, конфликта, который с каждым выявлением специфического своеобразия каждой встречающейся в мире особой сферы казался все более резким и неразрешимым» {«*Протестантская этика и дух капитализма*»}.

Доктрина о «предопределении» стала попыткой усомнившегося человека преодолеть свою беспомощность и панику перед жизнью.

Но как именно эта доктрина связана с «духом капитализма»?

«Трудитесь в поте лица на стезе своей»

Для смиренных грешников наилучшим средством обретения внутренней уверенности в спасении считалась неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Если идти за Кальвином, то чувства и настроения верующего по отношению к Богу как бы они не были возвышенны, сами по себе обманчивы. «Вера должна найти себе подтверждение в объективных действиях», и для этого следует приумножать славу Господню подлинными, а не мнимыми делами. На практике данное утверждение превратилось в своеобразную установку, имевшую значительные последствия для формирования новой этики: «Бог помогает тому, кто сам себе помогает, сам создает свое спасение».

Вполне справедливо отмечая, что фактор аскезы присутствовал и в католицизме и в лютеранстве, Вебер, тем не менее, подчеркивал, что именно в кальвинистском варианте аскезы доходит до своего логического завершения, становясь средством регламентации жизни не только отдельного индивида, но и всего социума, в котором он существует.

Идея профессионального призвания находит наиболее последовательное выражение в английском пуританизме — одном из ответвлений кальвинизма.

Именно в пуританизме, как считал Вебер, присутствует настойчивая и страстная проповедь упорного, систематического физического или умственного труда, и именно в пуританизме до апофеоза доводится не только пропаганда труда как такового, но и его специализация.

Вебер идет еще дальше и отмечает, что в пуританизме происходит своего рода «освящение» не только профессионального труда, но и богатства. Богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени и грешным мирским наслаждениям.

Богатство же, полученное в результате выполнения профессионального долга, не только оправдано морально, но даже предписано. И в этом смысле (в отличие от католицизма) желание быть бедным расценивается, как желание быть больным, поскольку наносит ущерб славе Божьей.

Как пишет в этой связи Вебер: «...религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа возрожденного человека и истинности его веры, неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы определили как „дух капитализма“» («Протестантская этика и дух капитализма»).

«Нюансы» протестантской этики

Вебер не питал иллюзий в отношении человеческой природы и честно признавал, что «пуританские» нравственные идеалы слишком часто не выдерживают натиска тех искушений, которые таит в себе богатство. Неслучайно вожди тех или иных аскетических движений как данность отмечали тот факт, что там, где растет богатство, уменьшается религиозное рвение, господствует гордыня, бушуют грешные страсти, любовь к плотским утехам и высокомерие.

В результате сохраняется лишь форма религии, но дух ее постепенно отмирает, уступая место утилитарной «посюсторонности» и сиюминутности. Это подтверждается даже известной цитатой из Кальвина: «народ послушен воле Божьей лишь до поры, пока он беден». Люди в подавляющем большинстве работают лишь потому, что их заставляет нужда.

С другой стороны, религиозное стимулирование, бесспорно, являлось важным фактором хозяйственного развития. Неслучайно, как отмечал Вебер, «если пользовавшаяся государственными привилегиями монополистическая промышленность Англии скоро пришла в упадок, то рациональное предпринимательство пуритан сыграло решающую роль в развитии тех промышленных отраслей, которые возникли без какой-либо поддержки со стороны государства, а подчас... и вопреки ему» («Протестантская этика и дух капитализма»).

Вебер констатировал, что «озвученная» в протестантстве идея профессионального призвания была интересна не только с культурологической точки зрения, но и представляла большое значение для современности и для будущего.

Мечта об идеальном человеке, ориентированном почти исключительно на духовных ценностях, ушла в прошлое, а на смену ей пришел человек новой капиталистической эпохи. «Профессиональный долг» заменил собой все прежние

религиозные идеи и при этом утратил свое изначальное духовное содержание, выродившись в простое стремление к наживе. Там, где это стремление достигает своей высшей свободы (как в США), оно принимает характер безудержной страсти, подчас, близкой к спортивной.

Помимо этих пессимистичных выводов показательны и другие рассуждения Вебера о соотношении этических установок, сформированных в лоне религиозных общин с требованиями рационального капиталистического хозяйства: «Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мысленная связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства. Ибо если еще можно было этически регулировать личные отношения между господином и рабом именно потому, что эти отношения были личными, то отношения между меняющимися владельцами ипотек и неизвестными им, тоже меняющимися должниками ипотечного банка, между которыми нет никакой личной связи, регулировать было уже невозможно — во всяком случае в таком же смысле и с теми же результатами. Если все-таки попытки такого рода делались, то... они служили препятствием развитию формальной рациональности» {«Протестантская этика и дух капитализма»}.

Таким образом, согласно Веберу, современный «капиталистический дух» порожден протестантизмом. Этот «дух», с его тенденцией к универсальной рационализации, отличается современный капитализм от его патриархальных форм с «иррационально-спекулятивным характером». Именно аскетически настроенный протестант сформировал тип будущего функционера промышленного капиталистического производства, чей образ почти исключительно ассоциируется с цивилизацией Запада.

О «духе» других религий

После «Протестантской этики» Макс Вебер обратился к другим мировым религиям — различным направлениям христианства, индуизма, буддизма, конфуцианства и даосизма.

Результатом этих размышлений стала книга «Хозяйственная этика мировых религий» (1913), также посвященная главным образом взаимодействию экономики и религии, или, если говорить точнее, связям между религиозными принципами и мотивацией экономической деятельности.

На сей раз Вебера интересовали и некоторые другие вопросы, такие как соотношение религии с формой власти, искусством, философией и т. д. Неудивительно, что со временем большинство исследователей начали трактовать веберовскую социологию религии в гораздо более широком смысле — как социологию культуры вообще.

В отличие от своих французских коллег Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, германский ученый практически не затрагивал вопроса о происхождении той или иной конфессии. Гораздо больше его интересовали существующие на текущий момент структурные формы, состав и тип религии, а также формы религиозности, которые были характерны для высокоразвитых обществ. Примитивные религии Вебером были почти полностью проигнорированы.

В своей работе Вебер пытался определить, где и при каких социальных условиях, среди каких социальных слоев и групп в религии преобладают ритуально-культовый, аскетически-деятельный, мистико-созерцательный и интеллектуально-догматический моменты. Таким образом, автор хотел установить «индивидуальный облик» различных религий и прийти к некоторым обобщениям.

Согласно Веберу, магические элементы были наиболее характерны для религии земледельческих народов, а в рамках высокоразвитых культур — для крестьянства. Крестья-

не, по его мнению, вообще «очень редко являются носителями какой-либо религии, кроме исконной для них, магической».

Народам-завоевателям и военному сословию присуща вера в судьбу, рок. Разъясняя этот тезис, Вебер писал следующее: «Военная знать и вообще все феодальные власти обычно нелегко становятся носителями рациональной религиозной этики. Жизнь воина не располагает ни к мысли о благом проведении, ни к следованию систематическим этическим требованиям надмирного Бога. Такие понятия как „грех“ и „спасение“, религиозное „смирение“ не только далеки от чувства собственного достоинства представителей всех господствующих слоев, и, прежде всего, военной знати, но даже оскорбляют его. Принять религию, оперирующую этими понятиями, подчиниться пророку или священнослужителю должно представляться неблагородным и недостойным» (*«Хозяйственная этика мировых религий»*).

Дойдя до протестантства, Вебер констатировал, что эта рационалистическая религия характерна для городских сословий, которые в меньшей степени, нежели земледельцы, зависят от внешних природных условий, и в большей — от правильно организованного трудового процесса.

Именно у горожан, и в особенности у ремесленников, по мнению Вебера, очень сильно проявляется склонность как к общинной религиозности, так и к рациональной этической религии. Вебер отмечал, что именно на Западе общинная религиозность, как правило, связана со средним и мелким бюргерством, которое, в отличие от крестьянства, уже не слишком дорожит кровнородственными связями. Частичной заменой рода для такого бюргера служат религиозные общины и профессиональные объединения.

Конфуцианство как образец межсословной религии

Конфуцианство, собственно, может считаться не столько религией, сколько этико-философским учением.

Тем не менее, хотя и с некоторыми оговорками, Вебер относит конфуцианство к религии, отмечая при этом его предельную рационалистичность и отсутствие явно выраженного интереса к загробному миру.

Важнейшими благами, с точки зрения конфуцианской этики, являются долголетие, богатство, здоровье тела и спокойствие духа, любовь к целомудрию и спокойная кончина, завершающая жизнь. Мотивы загробной жизни, искупления и спасения вообще не были характерны для конфуцианства, а в роли Мессии мог выступать разве что император, надежда на которого, впрочем, никогда не принимала характера утопии.

Государственный культ подчеркнуто прост и лишен какого-либо иррационального начала, вносящего дух беспокойства и беспорядка в строго рациональную этику.

Строй, порядок и гармония — вот основные принципы этики конфуцианства, применимые как к государственному состоянию, так и к состоянию души человека. Как отмечал Вебер, разум конфуцианства являлся рационализмом порядка, и этому были подчинены задачи воспитания и образования. Единственной спецификой конфуцианской этики, по его мнению, являлось то, что она не была враждебна магии, хотя этические добродетели признавались важнее чар и заклинаний.

Таким образом, в конфуцианстве соединились два начала: этически-рациональное и рационально-магическое. Однако, в отличие от европейского рационализма, китайский был объединен с магией и традиционализмом, из-за чего на Востоке так и не сложилась та форма науки, которая появилась в Европе. Как следствие, не появились и аналогичные с западными моделями рациональные типы хозяйствования и управления.

Классификация религий

Рассмотрев индивидуальный облик главных мировых религиозно-этических систем, ученый попытался классифицировать их, исходя из разницы в отношении к миру. Так, согласно Веберу, для конфуцианства характерно принятие мира, для буддизма, напротив, — отрицание. Некоторые религии (христианство, ислам, зороастризм) принимают окружающую действительность на условиях ее улучшения и исправления.

Отношение той или иной религии к миру определяет и отношение к политике и насилию. Так, религия, отвергающая мир, как правило, аполитична. Классическим примером в этом отношении является буддизм, хотя идеи ненасилия характерны и для христианства. В любом случае, признает Вебер, интересы любой религиозной организации рано или поздно вторгаются в сферу реальной политики, что заставляет их «договариваться» и искать компромиссы с властями.

Еще одним принципом классификации религий, по Веберу, является их отношение к идее спасения. Идея эта фигурирует в любой конфессии, но если одни из них предполагают спасение человека через собственное действие (в буддизме), то в других фигурирует посредник-спаситель (христианство, ислам).

В первом случае методами спасения являются либо ритуальные культовые действия, либо действия социальные (благотворительность), либо самоусовершенствование. Во втором случае некоторые из перечисленных факторов также работают, но гораздо большее значение имеет сам факт принадлежности к «правильной» церкви.

Отдельным пунктом Вебер выделил пути спасения, зависящие от внутренней установки человека. Один из таких путей заключается в спасении через активное этическое действие, другой — через мистическое созерцание.

Наконец, еще один предложенный Вебером принцип классификации религий зависит от того, какие именно социальные слои являются их главными носителями:

- носителем конфуцианства, по его мнению, является организующий мир бюрократ;
- индуизма — упорядочивающий мир маг;
- буддизма — странствующий по миру нищенствующий монах-созерцатель;
- ислама — покоряющий мир воин;
- иудаизма — странствующий торговец;
- христианства — бродячий ремесленник.

Разумеется, все они выступают не как представители своих профессий или сословий, а в качестве идеологических носителей этики или религии, которые особенно легко сочетаются с их социальным положением.

Отдельно Вебер выделил «религию париев», подразумеваемая под этим термином религиозно-этические принципы тех групп населения, которые находятся на низшей ступени «общественной лестницы».

Анализируя религиозную этику «париев» на примере иудаизма, а также различных христианских сект, автор отмечал, что ее носителями никогда не были ни рабы, ни современные пролетарии. В роли основателей и «пророков» всевозможных новых религий, как правило, пытались выступать мелкие ремесленники либо обедневшие выходцы из более привилегированных слоев; при этом они преследовали единственную цель — сломать существующую социальную иерархию.

По мнению Вебера, в «религии париев» преобладают потусторонние эсхатологические мотивы, в то время как для высших слоев общества, напротив, характерен живейший интерес к «посюстороннему» миру.

Переходя к двум противоборствующим классам современной ему эпохи — буржуазии и пролетариату, Вебер отмечал, что в основной своей массе и те и другие достаточно равнодушны к религии. Религию в таком случае обычно за-

меняют иные *идеологические суррогаты*. Однако поскольку пролетариат и примыкающая к нему мелкая буржуазия наиболее зависимы от колебаний экономической конъюнктуры (точно так же, как крестьянин зависим от колебаний погоды), даже в эпоху рационализма именно эти слои общества могут стать объектом религиозной миссии, возможно даже магического характера.

К последнему выводу Вебер пришел еще до революции 1917 года в России и до рождения в Германии фашизма. Здесь следует отдать должное его дару провидения, поскольку в России двигателем революции были именно пролетарии, а в Германии главной опорой фашизма являлась мелкая буржуазия. Кроме того, и коммунизм (в ленинско-сталинском варианте) и фашизм (в варианте, предложенном Гитлером) действительно были не просто политико-экономическими моделями, но являлись еще и «религиями» с живым вождем вместо Бога и «светлым завтра» вместо потустороннего мира.

Рационализация по Веберу

Для такого рационально мыслящего человека, как Вебер, и коммунизм и фашизм были неприемлемы именно как вызов рационализму, а, следовательно, и самим законам исторического развития.

Согласно Веберу, именно «рационализация» все в большей степени будет определять магистральные пути развития человечества в дальнейшем.

Но что сам Вебер вкладывал в понятие «рационализация»?

В первую очередь под этим термином он подразумевал такую систематизацию, при которой необозримая, хаотичная группа явлений с принципиально бесконечным множеством связей между собой упорядочивается по определенным критериям. Главная же проблема заключалась в том, что под термин «рационализация» Вебер также пытался подогнать

самые разнообразные явления — «бюрократизацию», «индустриализацию», «интеллектуализацию», «развитие рационального производственного капитализма», «специализацию», «овеществление», «методизацию», «дисциплину», «расколдование», «секуляризацию» или «расчеловечивание».

Ситуация упорядочивалась, когда Вебер начинал говорить о вещах более конкретных, например, о рационализации свободного труда капиталистического предпринимательства на Западе. В работе *«История хозяйства»* (1911) в качестве наиболее общих условий для этого он выделил следующие:

— рациональный расчет капитала (что является нормой для всех крупных промышленных предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей);

— присвоение автономными частными промышленными предприятиями свободной собственности на средства производства (землю, приборы, машины, орудия труда и т. п.);

— вольный рынок, то есть свобода рынка от нерациональных «стеснений обмена» — например, от сословных ограничений, когда известному сословию предписывается определенный образ жизни, при котором не существует ни свободного товарного рынка, ни свободной рабочей силы;

— рациональная, то есть строго рассчитанная и поэтому механизированная техника — как в сфере производства, так и в сфере обмена;

— рациональное, то есть твердо установленное право, определяющее нормы труда и управления, обеспечивающее функционирование капиталистического порядка и защищающее от возникновения путаницы в хозяйственных расчетах;

— свободный труд, то есть наличность таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому;

— коммерческая организация хозяйства, под которой подразумевается широкое применение ценных бумаг для установления права участия в делах предприятия и права, на имущество.

Вебер считал, что главная идея западного капитализма заключалась в том, что при всей значимости экономических факторов, связанных с рационализацией техники и права, «все же экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически рационального жизненного поведения».

Уязвимость веберовского рационализма

По мнению Вебера, наиболее податливой для систематизации и порядка («рационализирования») была «внешняя организация» мира. К ней он относил экономику, право, технику, науку, государственное устройство. Одновременно ученый пытался ответить на три важных вопроса, которые, в сущности, и были основным предметом его исследований:

— Почему только на Западе, в Западной Европе развивалась специфически «рациональная» культура, имеющая универсальное значение? Почему процесс «рационализирования» не происходил в той же Азии, где существовала гораздо более древняя и разветвленная культура?

— Почему только в Западной Европе в Новое время возникли «рациональная» наука и техника, «рациональный» производственный капитализм, «рационально-бюрократическая» организация государства?

— Какие преимущества любому обществу и его отдельным группам дает эта «рационализация», и какую цену должны заплатить общество, социальные группы и отдельный человек за это развитие?

Идея Вебера о «капиталистическом духе» как порождении протестантизма позволила хотя бы частично ответить на первые два из этих вопросов, хотя последний так и повис в воздухе. Но были ли ответы, найденные немецким социологом, правильными?

События, случившиеся уже после его смерти, и нынешнее состояние мировой цивилизации заставляют предположить, что «капиталистический дух» может вполне удачно развиваться на разной религиозной почве.

То же конфуцианство создало собственный набор мотивационных ценностей, которые, отличаясь от западных и имея иные корни, тем не менее, смогли оказать благотворное влияние на формирование современного экономического рационализма.

Приверженность китайцев, корейцев и японцев к дисциплине, а также их способность откладывать удовлетворение некоторых своих потребностей на длительное время внешне напоминают христианскую аскезу, хотя и базируются на совершенно иной духовной культуре.

Сама эта база претерпела определенные трансформации во времени, примером чему может служить Япония. По крайней мере дважды (во второй половине XIX века и после Второй мировой войны) официальная пропаганда предпринимала очень серьезные усилия для того, чтобы «на мирный лад» преобразовать традиционную самурайскую этику. Присущие представителям военного сословия самоотречение и дисциплина стали использоваться ни для вооруженной борьбы, а в целях капиталистического предпринимательства, благодаря чему возникло совершенно уникальное «сочетание воинского патриотизма и экономически рационализированной этики».

Тем не менее достаточно бережное отношение к своим традициям на сегодняшний день превратило Японию в страну, где отдельные «рудименты» прошлого уживаются с самыми современнейшими новациями.

Нечто подобное можно наблюдать и в таком динамично развивающемся государстве, как Индия, которая в религиозном плане не имеет ничего общего ни с Японией, ни с Западом.

Таким образом, время подтвердило правильность многих веберовских тезисов, а также универсальность самого

процесса «рационализации». Другое дело, что «рационализация» зависит не только от изучаемых Вебером религии и культуры, но и от таких любимых марксистами-материалистами понятий, как «уровень развития экономики», «хозяйственная политика», «внешняя конъюнктура».

Сам Вебер полностью не отрицал значения всех этих материальных факторов, но и не уделял им достаточного внимания, чем отличался от своего старшего коллеги и соотечественника Карла Маркса.

Впоследствии их имена часто будут ставить рядом, как имена двух выдающихся социологов и ярых антагонистов. На самом деле противоречия между ними были не настолько уж явными, тем более что работали они в несколько разных сферах.

Вебер и Маркс как исследователи капитализма

Пожалуй, главным, на чем сходились дороги Вебера и Маркса, был их интерес к капитализму.

Вебер, при всем своем весьма критичном отношении к буржуазному обществу, считал капитализм более прогрессивным, по сравнению, например, с феодализмом. Старые патриархальные ценности, по его мнению, неизбежно должны были отойти в прошлое.

Надо сказать, что и Маркс относится к капитализму сходным образом, но если он предпочитал исследовать капитализм с точки зрения экономики и политики, то для Вебера капитализм являлся, прежде всего, культурным явлением.

Нередко можно встретить утверждения, будто Вебер в своем стремлении опровергнуть теорию Маркса пытался объяснить сущность экономического развития исходя из того влияния, которое оказывают на общество религиозные нормы. На самом деле подобный взгляд является упрощением.

В действительности Вебер стремился показать, насколько сложный комплекс факторов влияет на поведение целого общества и конкретного индивида. Правда, из всего многообразия сам ученый вычленил только один фактор — религиозный, но, как справедливо отмечают некоторые исследователи, это не означает, что именно за религиозным фактором он сам признавал решающее значение. В сущности, открытие Вебера заключалось в обнаруженной им четко выраженной адекватности духа капитализма духу протестантизма.

Принципиальные расхождения между ним и Марксом в отношении к капитализму можно изложить в трех пунктах.

Во-первых, Вебер считал характерной чертой современного капиталистического общества бюрократическую рационализацию, имеющую тенденцию к развитию независимо от характера формы собственности на средства производства. Как следствие, в отличие от Маркса, он отнюдь не усматривал в обобществлении средств производства никаких предпосылок для коренных преобразований. По его мнению, потребность в рациональной организации, способствующей получению наиболее дешевого продукта, будет существовать независимо от революций в государственном устройстве, определяющих характер собственности на средства производства.

Во-вторых, различие теорий Вебера и Маркса касалось трактовки нравственной основы капитализма. Если, по Марксу, все объяснялось одной лишь страстью к наживе, то, по мнению Вебера, «стремление к предпринимательству», «стремление к наживе, к денежной выгоде... само по себе ничего общего не имеет с капитализмом». Это «свойственно людям всех типов и всех сословий».

Последнее разногласие между Вебером и Марксом заключалось в том, что первый из них, подобно Сен-Симону и Канту, вообще не придавал решающего значения противоречиям между рабочими и предпринимателями и не верил в

необходимость классовой борьбы для становления современного общества.

Таким образом, хотя Вебер вслед за Марксом и говорил о типичной организации современного производства, которого «нигде кроме Запада и быть не могло», однако он считал противопоставление капитализма и социализма лишённым смысла, поскольку бюрократическая рационализация как основа современного общества выживет при любом режиме собственности. Более того, исходя из индивидуалистической системы ценностей, Вебер опасался, что социализация производства неизбежно приведет к ограничению свободы действий индивида.

Тем не менее, при всем различии позиций двух ученых, нельзя не признать, что Маркс оказал на своего младшего коллегу огромное влияние, и, хотя версию капитализма по Веберу, скорее, можно назвать «культурологической», пришел он к ней все через ту же немецкую политическую экономию.

МЕТОДОЛОГИЯ МАКСА ВЕБЕРА

Зарождение метода

«*Протестантская этика и дух капитализма*» не только принесла Веберу широкое признание, но и стала для автора своеобразным «опытным полем», на котором он разработывал собственную методологию социологического познания.

Неслучайно наиболее знаковая работа Вебера, посвященная методам постижения действительности, вышла в 1904 году, почти сразу же после «*Протестантской этики*».

И хотя все исследование, названное «*Объективность социально-научного и социально-политического сознания*», уместилось в одну статью, именно ее можно признать своеобразной «квинтэссенцией» веберовской методологии.

Исходным пунктом в рассуждениях автора было утверждение, что ни в окружающем нас мире, ни в нашей жизни нет никакого изначально заданного сокровенного смысла. «Судьба культурной эпохи, „вкусившей“ плод от древа познания, состоит в необходимости понимания, что смысл мироздания не раскрывается исследованием, каким бы совершенным оно ни было, что мы сами призваны создать этот смысл, что „мировоззрения“ никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания и, следовательно, высшие идеалы... во все времена находят свое выражение в борьбе с другими идеалами».

Что же касается культуры, то она всего лишь «конечный фрагмент лишённой смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения человека, обладает смыслом и значением».

Понять смысл и значение того или иного события или явления означает, по мнению Вебера, всего лишь понять их интерпретировать. При этом толкователь изначально должен примириться с тем, что он вряд ли знает подлинные причины и содержание исследуемого им факта, а, следовательно, ни одна самая глубокая теория не может претендовать на знание целого. «Всякое мысленное познание бесконечной действительности конечным человеческим духом основано на молчаливой предпосылке, что в каждом данном случае предметом научного познания может быть только конечная часть действительности».

О науках естественных и науках гуманитарных

Итак, полное и абсолютное знание истины человеку недоступно. Но как все-таки следует пытаться постигнуть действительность с нашими весьма несовершенными возможностями?

Автор концепции «понимающей психологии» В. Дильтей (1833—1911) исходил из того, что непосредственное знание, «интуиция» принимается в качестве метода гуманитарных наук, а опосредованное знание, рассудочное, понятийное, логическое — в качестве метода наук естественных.

Подобное «психологическое» обоснование гуманитарных наук в реальности не могло опровергнуть того пункта, что знание, полученное непосредственно с помощью интуиции, путем вживания в мир чужой души, не обладает необходимой гарантией достоверности. В связи с этим возникал вопрос о том, как обеспечить наукам о культуре такую же строгость и значимость, какой обладают естественные науки?

Вебер, в отличие от Дильтея и следовавших за ним предшественников исторической науки, решительно отказывался руководствоваться при изучении социальной жизни методом непосредственного вживания. Он настаивал на включении в процесс исторического познания рассудочных (логических) методов, основанных на применении различного уровня абстракций.

«Уже первый шаг к вынесению исторического суждения, — писал Вебер, — являет собой, следовательно, процесс абстрагирования, который протекает путем анализа и мысленной изоляции компонентов непосредственно данного события (рассматриваемого как комплекс возможных причинных связей) и должен завершиться синтезом „действительной“ причинной связи. Тем самым уже первый шаг превращает данную „действительность“, для того, чтобы она стала „историческим фактом“, в мысленное построение — в самом факте заключена... теория» {«Объективность социально-научного и социально-политического сознания»}.

Если историк сообщает читателю только логический результат своих рассуждений, не приводя должных их обоснований, если он просто внушает читателю понимание событий, вместо того, чтобы педантично рассуждать о них, то он, по мнению Вебера, создает исторический роман, а не науч-

ное исследование. Это будет, скорее, художественное произведение, в котором отсутствует прочная основа сведения элементов действительности к их причинам.

Общий смысл методологии Вебера в области исторического познания сводился к тому, что история может претендовать на статус научной дисциплины лишь в том случае, если она использует логические приемы, позволяющие делать широкие обобщения (генерализации), которые дают возможность сводить элементы действительности к их причинам.

«Понять жизнь в ее своеобразии»

Соглашаясь со своими предшественниками (В. Вильдебандом и Д. Риккертом) в том, что все науки делятся на два типа — «науки о культуре» и «науки о природе», Вебер считал эти типы различными по методам, но одинаковыми по способам познания и образованию понятий. По его мнению, указанное различие отнюдь не подрывало самого единства принципа научности и не означало отхода от научной рациональности.

Затрагивая вопрос о «материалистическом понимании истории», Вебер писал, что подобное понимание «Коммунистического манифеста» в «его старом гениально-примитивном смысле» господствует только в сознании профанов и дилетантов. В целом же, «сведение к одним экономическим причинам нельзя считать исчерпывающим ни в одной области культуры, в том числе и в области хозяйственных процессов» {«Объективность социально-научного и социально-политического сознания»}.

Свою задачу в области социальных наук Вебер видел в том, чтобы понять действительную жизнь в ее своеобразии. Однако этому мешали познавательные принципы, установившиеся в науках о культуре, которые в качестве конечного итога исследования предполагали установление определенных

закономерностей и причинных связей. Та часть индивидуальной действительности, которая остается после вычленения закономерного, рассматривается, по мнению Вебера, либо как не подвергнутый научному анализу остаток, либо ее просто игнорируют как нечто «случайное», а поэтому и не существенное для науки. Таким образом, автор утверждал, что в естественно-научном познании научным (истинным) может быть только «закономерное», а «индивидуальное» может быть принято во внимание только в качестве иллюстрации к закону.

Как полагал Вебер, познание культурных процессов возможно лишь в том случае, если оно исходит из того значения, которое имеет для человека индивидуальная действительность. Однако в каком смысле, и в каких связях обнаруживается та или иная значимость, не может открыть ни один закон, ибо это решается в зависимости от ценностных идей, под углом зрения которых мы рассматриваем культуру. Другими словами, будучи людьми культуры, мы занимаем определенную позицию по отношению к миру и вносим в него смысл, который становится основой наших суждений о разных явлениях нашего совместного существования.

Само понятие культуры Вебер трактовал предельно широко, понимая под ней все, что «содеяно» человеком. В этой связи он писал: «Говоря... об обусловленности познания культуры идеями ценности, мы уповаем на то, что это не породит столь глубокого заблуждения, будто, с нашей точки зрения, культурное заблуждение присуще лишь ценностным явлениям. К явлениям культуры, — подчеркивал немецкий мыслитель, — проституция относится не в меньшей степени, чем религия или деньги, а все они вместе... прямо или косвенно затрагивают наши культурные интересы; потому что они возбуждают наше стремление к знанию с тех точек зрения, которые выведены из ценностных идей, придающих значимость отрезку действительности, мыслимому в этих понятиях» (*«История хозяйства»*).

«Идеальные типы»

Разработка единой и достаточно надежной методологии в науках о культуре должна была иметь некую отправную точку, которой для Вебера послужила... экономическая теория Маркса. По его мнению, эта теория дает идеальную картину процессов, происходящих на рынке в обществе товарно-денежного обмена, свободной конкуренции и строго рационального поведения. Другое дело, что в реальности подобная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного доведения определенных элементов действительности до их полного выражения. Такие мыслительные конструкции Вебер назвал «идеальными типами», которые, по его мнению, «носят эвристический характер и являются необходимыми для определения ценности явления».

Взяв понятие «идеальный тип» на вооружение, Вебер с самого начала ответственно заявил, что подобных конструкций нет, и они не могут существовать в действительности, в связи с чем употреблял по отношению к ним и еще один термин — «утопии». Да, идеальные типы, как и всякая научная модель, опираются на знание эмпирических фактов, но этого недостаточно, чтобы считать их зеркальным отражением действительности. При этом само понятие «идеальный» не должно вводить в заблуждение, поскольку оно не означает идеализацию, совершенный образец или высшую цель, то состояние, к которому мы стремимся. Идеальное, это всего лишь несуществующее.

Не следует путать идеальный тип с гипотезой — научным предположением, которое выдвигает исследователь для объяснения какого-либо явления. Гипотеза требует проверки опытом: если она подтверждается, то становится теорией, если нет — отвергается. Однако идеальный тип не может быть отвергнут по определению. При этом он не требует проверки реальными фактами, а действительность сравнивается с ним лишь для того, чтобы понять, насколько она

отличается от созданной исследователем идеально-типической конструкции.

Как писал сам Вебер: «Идеальный тип — не „гипотеза“, он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения».

Идеальные типы создаются посредством односторонне-го усиления одной или нескольких точек зрения и соединения отдельных явлений в единый мысленный образ. Вебер особо подчеркивал, что в реальной действительности этот мысленный образ никогда не встречается. Задачу исторического исследования автор видел в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка или далека от соответствующего мысленного образа.

Так, с помощью этого метода, как считал Вебер, можно создать в виде утопии «идею ремесла», соединив определенные черты ремесел самых различных эпох и народов в один свободный от противоречий идеальный образ. Идеальному типу «ремесла» можно, абстрагируя определенные черты современной крупной промышленности, противопоставить идеальный тип капиталистического хозяйства.

Конструируя свои идеальные типы, Вебер весьма часто действовал по схеме: что было бы, если бы исследуемое явление или процесс беспрепятственно развивались в указанном нами направлении. Для этого он, например, моделировал ситуацию биржевой паники, после чего пытался ответить на вопрос: «Каким было бы поведение игроков на бирже, если бы они не поддались сильным эмоциям и действовали абсолютно хладнокровно, со знанием дела?»

Нарисовав себе эту «идеальную» картину происходящего, Вебер получал представление о том, насколько исказили ее иррациональные моменты в поведении людей, как именно сказались страх и отчаяние на результатах их деятельности.

Точно так же ученый пытался подойти и к анализу результатов любой военной или политической акции. При этом он обязательно стремился понять: каким было бы поведение участников события, если бы они в полной мере обладали всей необходимой информацией и удачно нашли средства, необходимые для достижения поставленной задачи.

Хотя, как отмечал сам Вебер, сконструированные подобным образом «идеальные типы» (или «утопии») нельзя обнаружить в реальности, в них «действительно отражены известные, значимые в своем своеобразии черты нашей культуры, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе» {«Объективность социально-научного и социально-политического сознания»}.

Проводя линию на непредвзятый характер научного познания в сфере социальных наук, Вебер предостерегал от использования идеальных типов в виде образцов, несущих характер должностования. Идеальные типы должны быть мотивированными и, насколько возможно, «объективными» и адекватными. В определении их научной ценности может существовать лишь один критерий — «в какой степени это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и значении» («Объективность социально-научного и социально-политического сознания»).

Таким образом, в образовании абстрактных идеальных типов Вебер видел не цель, а средство познания. Эта установка применима практически ко всему множеству используемых им идеальных типов.

«Ценность» по Веберу

Хотя сам термин «идеальный тип» уже использовался Э. Дюркгеймом и Ф. Теннисом, именно Вебер стал первым, кто утверждал, что в основе этого понятия лежат

вполне определенные ценностные предпочтения исследователя.

Интересовать ученого, по мнению Вебера, могут лишь те стороны бесконечных в своем многообразии явлений, которыми он сам приписывает культурное значение или ценность.

Но что же такое «ценность»? Для Вебера она не «положительна» и не «отрицательна», не «относительна» и не «абсолютна», не «объективна» и не «субъективна».

Для ученого-аналитика (каким себя считал сам Вебер) ценность далека от личного эмоционального переживания, одобрения или порицания. Она не может быть «плохой» или «хорошей», «правильной» или «неправильной», «нравственной» или «безнравственной». Ценность также абсолютно лишена какого бы то ни было нравственного, морально-этического или эстетического содержания. Ее нужно рассматривать как форму, при помощи которой люди организуют свой жизненный опыт.

Согласно Веберу, ценность представляет собой то, что для нас значимо, на что мы ориентируемся в своей жизни и что мы принимаем во внимание. Она — способ человеческого мышления. Подобно кантовским категориям «пространства» и «времени», ценность у Вебера дает человеку возможность упорядочить, структурировать «хаос» своих мыслей, впечатлений и желаний. Это «чисто логический метод осмысления мира», одинаково свойственный и ученому, и обывателю.

Человек является носителем ценностей, и они необходимы ему для определения целей, которые он перед собой ставит. Их место в мотивации действий гораздо глубже целей и интересов, поскольку именно к ценностям, в конечном счете, обращена воля человека.

Некоторые современные исследователи склонны ставить знак равенства между веберовским понятием «ценности» и «нормой», что является большим упрощением.

В толковании Вебера, ценность, в отличие от нормы, не может быть однозначно понятым повелением; она — всегда пожелание. Обязательно нужен тот, кто, принимая ее по тем или иным соображениям, воплотит своей жизнью. Более того, сам выбор ценностей не просто выбор между «правильным» и «неправильным». «Правильными» ценностями являются щедрость и бережливость, милосердие и справедливость, активная борьба со злом и непротivление насилию. Однако в каждой конкретной ситуации человеку приходится выбирать одну из двух трудно сочетающихся друг с другом добродетелей. При этом сами по себе ценности «не дают направления», а лишь дают возможность сознательно выбрать направление. Так что стоящая перед человеком альтернатива «имеет смысл лишь как обращение к свободе, равно как свобода в смысле выбора, возможна лишь там, где есть альтернатива» (*«Наука как призвание и профессия»*, 1920).

В противном случае ценности автоматически становятся нормами, которые лежат в основе социального порядка. Нормативное поведение людей полностью предсказуемо и лишено индивидуальных особенностей. Но такое толкование не устраивает Вебера. Он акцентирует внимание на двойственном характере ценностей, выделяя помимо нормативной и другую сторону — их необходимое и неизбежное преломление в индивидуальном опыте конкретного человека.

Тот или иной человек всегда «расшифровывает» для себя ценности, вкладывает в них определенный смысл, то есть понимает их так, как может понять только он и никто другой. Свобода человека — это внутреннее состояние, которое заключается в возможности самостоятельного и ответственного выбора ценности и их толкования. И тем и другим в равной мере обладает ученый-исследователь.

«Свобода от оценки» и объективность ученого

В отличие от большинства других людей, ценностный выбор ученого касается не только его самого и ближайшего окружения, но и всех тех, кто когда-нибудь будет знакомиться с написанными им трудами. Здесь сразу же возникает вопрос об ответственности ученого. Хотя с таким же успехом можно было поставить вопрос об ответственности политика или писателя, Вебер, естественно, предпочитает сконцентрироваться на более близкой лично ему теме.

Отстаивая право исследователя на собственное видение, Вебер пишет, что «познание культурной действительности — всегда познание совершенно специфических особых точек зрения. Анализ этот неизбежно «односторонний», но субъективный выбор ученым своей позиции не так уж субъективен. Его «нельзя считать произвольным, пока он оправдан своим результатом, то есть пока он дает знание связей, которые оказываются ценными для казуального (причинного) сведения исторических событий к их конкретным причинам» (*«Объективность социально-научного и социально-политического сознания»*).

Ценностный выбор ученого «субъективен» не в том смысле, что значим только для одного человека и понятен только ему. Очевидно, что исследователь, определяя свою аналитическую перспективу, выбирает ее из числа тех ценностей, которые уже существуют в данной культуре. Ценностный выбор «субъективен» в том смысле, что «интересуется только теми компонентами действительности, которые каким-либо образом — пусть даже самым косвенным — связаны с явлениями, имеющими в нашем представлении культурное значение» (*«Объективность социально-научного и социально-политического сознания»*).

При этом ученый как индивид имеет полное право на политическую и нравственную позицию, эстетический вкус, но

он не может отнестись положительно или отрицательно к изучаемому им явлению или историческому лицу. Его индивидуальное отношение должно оставаться за пределами его исследования — это долг исследователя перед истиной.

Вообще для Вебера всегда была очень актуальна тема долга ученого, проблема истинности, свободной от субъективизма. Будучи страстным политиком, он сам стремился к тому, чтобы в своих работах выступать именно в качестве беспристрастного исследователя, руководствующегося только любовью к истине.

Высказанное Вебером требование свободы от оценки в научном исследовании коренится в его мировоззренческой позиции, согласно которой ценности научные (истина) и ценности практические (партийные) — это две разные области, смешение которых ведет к подмене теоретических аргументов политической пропагандой. И там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов.

Веберовское «понимание»

Здесь имеет смысл ввести еще одно фундаментальное понятие социологии Вебера — категорию «понимание». По его мнению, именно необходимость понимания предмета своего исследования отличает социологию от естественных наук. Однако «понимание» поведения людей еще не свидетельствует о его эмпирической значимости, поскольку одинаковое по своим внешним свойствам и своим результатам поведение может основываться на разных сочетаниях мотивов, причем самый очевидный из них не обязательно является и самым значимым. «Понимание» тех или иных связей, обнаруженных в поведении людей, всегда следует подвергать контролю с помощью обычных методов казуального объяснения. При этом Вебер не противопоставляет понима-

ние причинному объяснению, а, напротив, тесно связывает их друг с другом. Кроме того, «понимание» не относится к психологическим категориям, а понимающая социология не является частью психологии.

В качестве исходного пункта социологического исследования Вебер рассматривает поведение индивида. По его собственному определению «цель нашего исследования, доказать, что „понимание“ составляет, по существу, и причину того, что понимающая социология (в нашем смысле) рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как „атом“ (если считать допустимым само по себе это сомнительное сравнение)» (*«Основные социологические понятия»*, 1920).

По той же причине для социологического исследования индивид представляет собой у Вебера и верхнюю границу осмысленного поведения, поскольку именно индивид является его единственным носителем.

Теория социального действия

Однако поведение индивида изучает и психология, и в этой связи возникает вопрос: в чем же отличие психологического и социологического подходов к изучению индивидуального поведения?

На этот вопрос Вебер ответил в самом начале своего итогового труда *«Хозяйство и общество»*. Социология, по его мнению, есть наука, которая хочет понять и причинно объяснить социальное действие в его течении и проявлениях.

В данном случае революционность научных воззрений Вебера заключается в том, что именно он выделил в качестве предмета социологии элементарную единицу, которая лежит в основе всей социальной деятельности людей, процессов, организаций и т. п.

Главной характеристикой социального действия как фундамента социального бытия, по Веберу, является смысл, а

само оно не просто действие, а человеческое действие, подчеркивает автор. Это означает, что действующий индивид или действующие индивиды «связывают с ним субъективный смысл». Собственно «социальным» действием «должно называться такое действие, которое в соответствии со смыслом, заложенным в нем действующим или действующими, направлено на поведение других и ориентировано так в своем течении». Способ, каким совершается действие или система действий, Вебер называл «поведением, адекватным смыслу» (*«Основные социологические понятия»*).

Основными компонентами социального действия, по Веберу, являются цели, средства, нормы. Само социальное действие, содержащее смысл и ориентацию на других и их действия, является идеальным типом. Критерием выделения типов социального действия является рациональность, точнее, ее мера.

В данном случае Вебер использовал понятие рациональности в чисто методологическом значении. С помощью этого понятия и на его основе он строил типологию социальных действий. Градация шла по степени реальной осмысленности действия с точки зрения расчета целей и средств. Таких типов у Вебера было четыре.

1. «Целе-рациональное» действие включает самую высокую степень рациональности действия. Цель, средства и нормы в нем взаимно оптимальны и соотнесены друг с другом. Наиболее показательным примером «целе-рационального» действия является действие в сфере капиталистической экономики.

2. «Ценностно-рациональное» действие связано с усилением давления норм, например убеждений. Капиталист, отчисляющий деньги на благотворительность, церковь, тратящий их на игру в карты и т. д., а не вкладывающий их в производство с целью достижения дальнейшего успеха, ведет себя в соответствии с этим типом социального действия.

3. Традиционное действие Вебер рассматривает по аналогии с «тупым пребыванием» в рутинных обстоятельствах. Это действие — по трафарету, по привычке, по традиционному установлению. Осмысление такого «пребывания» возможно в двух случаях: как прорыв традиционности и как сознательное его оправдание с целью прагматического использования.

4. Аффективное действие также имеет свою цель, в понимании которой доминируют эмоции, порывы и т. д. Цель и средства не соответствуют друг другу и часто вступают в противоречие. Пример — поведение футбольных болельщиков, которое характеризуется самым низким уровнем рациональности.

Возможность использования категории «социальное действие» в науке выдвигает четкое требование: она должна быть обобщающей абстракцией. Образование типологии социальных действий есть первый шаг на этом пути. Вебер определял социальное действие как обобщенную среднюю величину массового, например, группового поведения и его мотивов. Понимание этого действия возможно только на основе внешних, «объективно данных ситуаций», влияющих на его «течения и проявления». Инструментом такого анализа и является идеальный тип, ибо социальный контекст заведомо включен в содержание категорий, «участвующих» в его конструировании.

Понимание, как и само социальное действие, также является обобщенной и усредненной величиной и напрямую с ним связано. По словам Вебера, это «средне и приблизительно рассматриваемый» смысл действия. Типология социальных действий представляет собой идеально-типическое изображение «усредненных» и потому «понятных» способов поведения, типических ориентаций в типических условиях. Социология и другие социально-исторические науки, оперирующие идеальными типами, дают «знание об определенных, известных в опыте правилах, особенно о том способе, которым люди обыкновенно реагируют на данные ситуации» {«*Основные социологические понятия*»}.

О социальных отношениях

Приняв понятие «социальное действие» за основу «социальности вообще», Вебер пишет:

«Социальными отношениями мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующиеся на это», — писал ученый. Как на обязательное условие автор указывал на то, что социальное отношение «полностью и исключительно состоит в возможности того, что социальное действие будет носить доступный (осмысленному) определению характер», независимо от того, на чем основана эта возможность {«*Основные социологические понятия*»}.

При этом к признакам социальных отношений относится максимально широкий диапазон различных действий: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, соперничество экономического, эротического или политического характера, принадлежность к одной или разным сословным, религиозным, национальным или классовым общностям и т. д.

Поскольку социальные действия совершаются достаточно регулярно, чтобы обосновать данную связь, Вебер ввел еще два термина. Под «нравами» он подразумевал привычку поступать в определенной ситуации так, а не иначе. Под обычаями — нравы, укореняющиеся на длительное время и обусловленные «целе-рациональной» ориентацией поведения отдельных индивидов на одинаковые ожидания.

Социальные отношения усложняются, считал он, когда индивиды начинают ориентироваться на легитимный порядок, усиливающий регулярность социальных отношений. Содержание самих социальных отношений Вебер называл «порядком» только в тех случаях, когда индивид в своем поведении ориентируется на отчетливо определяемые нравственные, религиозные, правовые и другие нормы. Заставить людей учитывать эти нормы могут, по его мнению, различные причины, однако большинство из них имеет сугубо внут-

ренный характер. Конкретный индивид может считать существующий порядок легитимным:

1) *аффективно*, то есть руководствуясь своими эмоциями;

2) *ценностно-рационально*, веря в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических и т. д.);

3) исходя из *религиозных соображений*.

С другой стороны, легитимность порядка может быть гарантирована ожиданием специфических внешних последствий. Эти ожидания Вебер делит на два типа — «условность» и «право».

При праве в ррли возможного «внешнего последствия» фигурирует специальная группа людей, осуществляющих принуждение (самый простой пример — полиция). В условности такая группа отсутствует, но при этом любое отклонение от «общепринятого поведения» наталкивается внутри определенного круга людей на явно ощутимое порицание.

Социальные образования

От анализа социальных отношений Вебер перешел к анализу различного рода социальных образований. Он исходил из того, что совершающийся на основе социальных действий процесс интеграции ведет к появлению двух, разных по своему характеру социальных объединений. Одни из них автор называл объединениями общественного типа, другие — общностного (или общинного). Первый тип он считал основным и относил к нему те объединения, члены которых в своем поведении руководствуются мотивами заинтересованности. В основе объединений общностного типа, по мнению Вебера, лежат чувства принадлежности к той или иной общности, и мотивация здесь либо аффективна, либо традиционна.

Здесь Вебер, в сущности, лишь повторил схему, предложенную Ф. Теннисом, хотя и развил ее на несколько ином уровне. Так, одним из вариантов объединения людей в «общество» он называл так называемый «целевой союз», каждый из членов которого в известной степени полагается на то, что другие участники союза будут действовать в соответствии с установленным соглашением и исходить из этого при рациональной ориентации собственного поведения.

В качестве еще одного важного социального объединения Вебер ввел понятие «предприятие». Как и в предыдущем случае, предприятие должно включать достаточно постоянное число членов, руководствующихся «целе-рациональными» мотивами. Однако, в отличие от обычного целевого союза, на предприятии имеется еще и некий административный орган, осуществляющий руководящие функции.

При этом Вебер отмечал, что каждый индивид постоянно участвует в самых разнообразных по своему характеру сферах действий — как общностных, основанных на согласии, так и общественных, где превалируют сугубо рациональные мотивы.

Но кроме основанных на согласии «целевых союзов» существуют и другие объединения, или так называемые «институты». Здесь добровольное вступление заменяется зачислением на основании чисто объективных данных, независимо от желания и согласия зачисленных лиц. В качестве одного из определяющих факторов поведения выступает аппарат принуждения. Наиболее яркими и очевидными примерами, по мнению Вебера, являются Государство и Церковь. С другой стороны, понимая всю сложность социальных действий, ведущих к появлению объединений того или иного типа, он подчеркивал, что сам переход к «институту» недостаточно определен, а «институтов» чистого типа не так уж и много.

Веберовские классы

Принципиально важным для Вебера было понятие «борьба», которое противостоит другому понятию — «согласие». Здесь он исходил из того, что «преобладающая часть всех установлений — как институтов, так и союзов — возникла не на основе договоренности, а в результате насильственных действий; то есть люди и группы людей, способные по какой-либо причине фактически влиять на общность действия членов института или союза, направляют его в нужную им сторону, основываясь на „ожидании согласия“».

Именно борьба, по мнению Вебера, оказывалась решающим фактором многих процессов и явлений. Правда, в отличие от трактовки К. Маркса, он обходился без каких-либо политико-экономических факторов, объясняя все природными качествами человека.

Каждый индивид, по Веберу, стремится навязать свою волю другому, либо, используя открытое физическое воздействие, либо при помощи того, что называется конкуренцией.

Тем не менее Вебер отнюдь не игнорировал экономический фактор. Просто сфера экономических действий всего лишь служила для него своего рода логической предпосылкой к изложению так называемые «теории стратификации». Здесь вводится еще одно понятие — «классы».

О существовании класса, как считал ученый, можно говорить лишь в тех случаях, когда:

1) некоторое множество людей объединено специфическим «причинным компонентом», который касается их жизненных интересов;

2) такой компонент представлен исключительно экономическими интересами в приобретении товаров или получении дохода;

3) этот компонент обусловлен ситуацией, складывающейся на рынке товаров или труда.

Класс как определенная группа людей делился Вебером на три основных типа:

1) класс собственников;

2) стяжательский класс, эксплуатирующий услуги на рынке;

3) социальный класс, состоящий из множества классовых статусов, между которыми наблюдаются изменения, происходящие как на персональной основе, так и в рамках нескольких поколений.

При этом Вебер констатировал, что единство социальных классов относительно, а их дифференциация только на основе собственности не является результатом классовой борьбы или классовых революций. Радикальные изменения в распределении богатства, по его мнению, правильнее называть «революциями собственности».

Особое внимание Вебер уделял так называемому «среднему классу», относя к нему тех, кто благодаря соответствующей подготовке владеет всеми видами собственности и обладает конкурентоспособностью на рынке труда. Сюда он относил независимых крестьян, ремесленников, чиновников, занятых в общественном и частном секторе, лиц свободных профессий, а также рабочих, занимающих исключительно монополистическую позицию.

Примерами других классов у него являлись:

— рабочий класс как целое, занятый в механизированном процессе;

— «нижние» средние классы;

— инженеры, коммерческие и другие служащие, а также гражданские чиновники, то есть «интеллигенция» без самостоятельной собственности;

— класс людей, занимающих привилегированную позицию благодаря собственности и образованию.

Исследуя классовую структуру общества в «динамическом ключе», Вебер постоянно искал точки соприкосновения и переходы как между отдельными группами внутри одного

класса, так и между основными классами. Как следствие, предложенная им схема классовой структуры общества оказалась настолько запутанной, что, исходя из нее, трудно даже составить полный перечень классов.

В любом случае, по мнению социолога, решающим фактором, определяющим принадлежность человека к тому или иному классу общества, являлись его возможности на рынке труда или, если быть более точным, та плата, которую он мог получить за свою работу.

Таким образом, если у Маркса «линия фронта» проходила между рабочими и работодателями, то у Вебера — между покупателями труда и его продавцами.

Тем не менее, исходя из данной теории, главным фактором, создающим класс, является экономический интерес, а также наличие или отсутствие собственности.

Подобная трактовка была довольно близка к марксистской (во всяком случае, не противоречила ей логически), и тогда, чтобы выйти из политической плоскости, Вебер дал дополнительное разъяснение: проявления классовой борьбы значимы ни сами по себе, а лишь в качестве средне-типичной реакции на экономические стимулы.

Борьба за статус

В противовес классам Вебер ввел еще одно понятие — «статусные группы». Он считал, что в отличие от классов, которые детерминированы чисто экономической ситуацией, статусные группы детерминированы «специфическим социальным оцениванием почести». Почесть в данном случае может обозначать любое качество, оцениваемое большинством. Более того, весь социальный порядок является, по Веберу, всего лишь способом, при помощи которого «социальные почести распределяются в сообществе между типичными группами, участвующими в таком распределении».

Социальный порядок, связанный с легальным порядком (политической властью), в значительной степени обусловлен сложившейся экономической системой, но в то же время в состоянии влиять на нее.

Главные «страсти» в мире кипят именно вокруг статусных почестей, которые Вебер рассматривал в качестве знаков определенного стиля жизни. Связанные с этим стилем ожидания выступают у него в качестве определенных ограничений социального общения, то есть статус представляет собой основанное на достигнутом согласии совместное действие закрытого типа. И по мере возрастания степени закрытости статусной группы внутри нее усиливаются тенденции к легальной монополии на определенные должности и привилегии.

Значение методологии Макса Вебера

Ученому-гуманитарии, по Веберу, нужны именно типы действия, а не содержательные характеристики тех процессов, в которые эти действия вплетены. «В социологии, — писал он, — такие понятия как „государство“, „кооператив“, „феодализм“ и подобные... обозначают категории определенных типов человеческого взаимодействия, и ее задача состоит в редукции их к „понятному“ действию, а именно к действию участвующих единичных индивидов» (*«Основные социологические понятия»*).

Вебер не только нигде не рассматривал сущностных характеристик, например, государства, но и специально оговаривал свой отказ от их анализа. Так, применительно к религии, он подчеркивал: «Мы имеем дело ни с „сущностью“ религии, а лишь с условиями и результатами одного определенного типа группового социального действия» (*«Теория степеней и направлений религиозного неприятия мира»*, 1910). Таким же образом Вебер обходил содержательный анализ и других важных для его идеологии, явлений.

Используемые им категории «идеальный тип» и «социальное действие» разрабатывались в конкретном социальном и культурном контексте Германии, в дискуссиях, в противостоянии и как ответ иным, сейчас плохо известным и уже не имеющим актуальности теоретическим положениям. Вебер искал ответы на вопросы науки и политики своего времени, а не возводил свои идеи в ранг универсальной парадигмы. Поэтому все основные из введенных им в социологию категорий имеют вполне определенные исторические ракурсы и акценты. Дискуссии, которые Вебер вел с марксистами, а также национал-экономистами старой и новой экономических школ, были существенно осложнены методологическими и иными проблемами, выросшими в конкретных обстоятельствах.

Следует отметить, что в начале XX века и помимо Вебера уже велись весьма успешные разработки понятийного инструментария социальных наук. Здесь можно упомянуть и концепцию нормальных понятий Ф. Тенниса, и теорию общих понятий К. Менгера, и даже марксистскую концепцию понятий, несостоятельность которой до сих пор никем не доказана. Неоднократное и настоятельное использование Марксом «в чистом виде» (по его словам) понятий «капитал», «стоимость» позволяет провести параллель между идеальными типами Вебера и этими «чистыми» понятиями Маркса, если придать последним модельное истолкование. Так, в "Капитале" дан идеализированный образ капитализма, а не его действительность. Однако сам этот образ не является фикцией, поскольку в нем содержится суть, внутренний закон движения такого сложного явления, каким является капитализм. И в этом смысле идеальные типы и модели имеют огромное методологическое значение для анализа конкретных форм исторической реальности.

Сегодня основные веберовские категории явно недостаточны, и нуждаются в определенных изменениях и дополнениях, вызванных ростом научного знания, его интернационализацией, развитием логики и методологии социальной

науки. Звучащая в США и в Германии в адрес Вебера критика акцентирует внимание на невозможности безоговорочного соблюдения «принципа свободы науки от ценностных суждений», а также трудности построения целостной социологической теории на их основе из-за ограниченности и неопределенности. Во Франции же возникли варианты «практической» социологии, оставляющие в стороне и позади теории, построенные на основе веберовских положений. Вот только будут ли они работать?

Так или иначе, при всем уважении к Веберу, в современной социологической науке все больше крепнет стремление выйти за пределы, очерченные ключевыми идеями его теории. И это вполне естественно, поскольку он сам видел значение научных идей в том, чтобы быть преодоленными.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА

Макс Вебер — несостоявшийся политик?

В своей речи «*Политика как призвание и профессия*» Макс Вебер говорил: «Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с Богом и людьми, в том числе и с христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент разразится непримиримым конфликтом».

Следует отметить, что когда Вебер говорит о политике, его обычно тяжеловесный и суховатый стиль становится ярким и эмоциональным. В этой связи приведем еще одну достаточно показательную цитату, уже из другого его произведения {«*Наука как призвание и профессия*»}: «Какой

человек отважится „научно опровергнуть” этику Нагорной проповеди, например, заповедь «непротивления злу» или притчу о человеке, подставляющем и левую и правую щеку для удара? И, тем не менее, ясно, что здесь, если взглянуть на это с мирской точки зрения, проповедуется этика, требующая отказа от чувства собственного достоинства. Нужно выбирать между религиозным достоинством и мужским достоинством... В зависимости от конечной установки индивида одна из этих этических позиций исходит от дьявола, другая — от Бога, и индивид должен решать, кто для него Бог, а кто дьявол». По мнению Вебера, этика политической борьбы не имеет с Нагорной проповедью ничего общего, напротив, требуя от человека, того, что принято называть бойцовскими качествами.

Как видим, профессиональный ученый весьма трезво смотрел на сущность политики, но отнюдь не позиционировал себя как человека, не желающего в ней поучаствовать в качестве одного из персонажей. Именно такой точки зрения придерживался К. Ясперс, считавший, что Вебер на редкость глубоко знал и понимал сферу политики, был готов применить эти знания на практике и не сумел сделать этого только из-за неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

Тем не менее с подобной оценкой можно и не согласиться, поскольку история партийной карьеры Вебера убеждает, что он отнюдь не был готов использовать все средства для достижения власти.

В этом отношении противоречивость немецкого ученого близка к противоречивости одного из его кумиров — Макиавелли, который, четко осознавая, что «политика — дело грязное», испытывал одновременно тоску по практической деятельности. Но, будучи все-таки людьми мысли, а не действия, и Макиавелли и Вебер, в конечном счете, вынуждены были ограничиться ролью советника государя, причем советника, к мнению которого не прислушивались. Так или иначе — была у Макиавелли и Вебера и еще одна общая

черта: оба имели возможность наблюдать и даже работать на закрытой от непосвященных «политической кухне», а затем излагать результаты своих наблюдений.

Но к каким же именно выводам пришел Вебер в докладе «*Политика как призвание и профессия*»!

Социология политики у него основана на различии сущности экономики и политики, которая, в свою очередь, обусловлена субъективным смыслом человеческого поведения.

Цель экономики, по Веберу, — удовлетворение потребностей, обуславливающих рациональную организацию поведения, а политики — господство одного или нескольких индивидов над другими людьми.

С другой стороны, разделить сферу экономики и сферу политики, как правило, невозможно, поскольку экономическое поведение зачастую может основываться на принуждении, а, следовательно, носить политический характер.

Власть и «господство»

Два этих понятия являются ключевыми для политической социологии Макса Вебера. По его мнению, «власть» обусловлена установкой действующего лица на то, чтобы, преодолев сопротивление другого индивида, навязать ему свою волю. Поскольку одни индивиды могут навязывать свою волю, а у других это не получается (либо они не желают этого делать), отсюда вытекает, что власть является проявлением социальной связи, указывающей на наличие неравенства. Субъектами власти могут выступать отдельные люди, группы и государство.

«Господство», по Веберу, тесно связано с понятием «приказа», который имеет двоякое значение, поскольку предполагает взаимное ожидание. Тот, кто приказывает, ждет, что его приказу будут повиноваться, а тот, кто пови-

нуется, — что приказ будет иметь приемлемый для повинующихся характер.

В работе «*Политика как призвание и профессия*» Вебер писал: «...„политика“, судя по всему, означает стремление к участию во власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает... Если о каком-то вопросе говорят: это политический вопрос, то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос... Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как к средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти ради нее самой; чтобы наслаждаться чувством престижа, которое оно дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношения господства людей над людьми, опирающиеся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует».

Типы «господства»

В зависимости от мотивов, которыми руководствуются подчиняющиеся, Вебер выделяет три типа легитимного (то есть законного) господства: легальное (рациональное), традиционное и харизматическое.

В легальном господстве определенный интерес является мотивом подчинения, то есть «целе-рациональное» действие. Люди убеждены в необходимости законного установления и в законности самих носителей власти.

Традиционное господство основано на вере в старые традиции и в легитимность тех, кому принадлежит власть в силу традиций.

Харизматическое господство предполагает личную преданность, вызванную наличием у правителя священного дара или выдающихся способностей.

Впрочем, как и в других случаях, Вебер подчеркивал, что данная типология носит идеализированный характер, в реальности же существуют крайне смешанные и запутанные комбинации этих трех типов. «Все господствующие власти, светские и религиозные, политические и неполитические, можно рассматривать как отклонение от нескольких чистых типов или приближение к ним, конструируемых соответственно той основе легитимности, на которую притязает власть» («*Политика как призвание и профессия*»).

Так или иначе, но в любом политическом союзе или институционально установленном порядке, хотя и не в чистом виде, преобладает определенный тип господства: рационально-легальное господство наиболее типично для современных государств и бюрократических структур; традиционное — для патриархальных и феодальных обществ; харизматическое — возможно во всех типах общественного устройства.

Если говорить о современной Веберу эпохе, то, по большому счету, для нее характерен именно легальный тип господства. Однако даже этот тип может рухнуть в том случае, если идеалы и образ жизни господствующего меньшинства потеряют в глазах подчиненного большинства свою легитимную силу.

Легитимность

Именно вера в легитимность (от латинского *legitimus* — согласный с законами, правомерный, должный), законность порядка играет решающую роль во всех типах господства, обеспечивая стабильность и преемственность власти.

В трактовке Вебера, именно признание массами господствующей власти и тех доводов, которые она выдвигает в

оправдание собственных властных притязаний, является важнейшей (если не обязательной) «добавкой» к понятию легитимности. Общественный порядок держится не только благодаря правовым нормам. Право дает лишь внешнюю гарантию устойчивости политической системы, но в процессе политической жизни в дело вступает множество других факторов, отражающих личные интересы и предпочтения тех или иных групп, влияющих на характер господства.

Лидирующие группы нередко выдвигают различные легенды, объясняющие иерархию властных отношений, но, как считает сам Вебер, все эти легенды должны представить «конкретную форму воплощения всеобщих или национальных ценностей и интересов».

Вебер особо отмечал, что «потрясение веры в легитимность обыкновенно имеет далеко идущие последствия», из-за чего, ради сохранения существующей системы, приходится в ряде случаев пускать в ход лживые легенды {«*Политика как призвание и профессия*»}.

Тема неподчинения власти и непризнания легенды у Вебера практически отсутствует, поскольку социальные группы и классы из «низов» общества, которые претендовали на коренные преобразования, он называл «иллегитимными» и исключал из своего анализа. Поскольку к «иллегитимным» группам Вебер относил и современный ему пролетариат, понятно, что это лишний раз дало возможность противопоставить его Марксу. В отличие от создателя теории научного коммунизма он действительно был убежден, что народ с его «низкой рационализацией мышления» имеет лишь примитивные цели и всегда нуждается в направляющей руке сильного человека.

Фактически Вебер пришел к противоречию: с одной стороны, он признавал, что правитель не легитимен без поддержки народа, а с другой — призывал отстранить массы от участия в политике. Ученому пришлось очень долго искать выход из этого противоречия, но для начала Вебер счел нужным отметить следующее: процесс легитимизации власти со

стороны масс обречен оставаться всего лишь вариантом религиозной веры, а выбор позиции политического действия остается исключительно прерогативой власти имущего.

Легальный тип господства

Если исходить из классификации Вебера, то в начале XX века легальный тип господства существовал в так называемых «демократических» государствах — прежде всего в США, Великобритании и Франции. Все, кто живет в этих странах — как управляемые, так и управляющие — подчиняются не личностям, а существующим законам.

«Штаб управления» состоит из специально подобранных чиновников, действующих «невзирая на лица», то есть по строго формальным и рациональным правилам.

Приказ, который отдается подчиненным, является следствием не личного авторитета, а безличной нормы, и сам акт приказа выступает следствием нормы, а не свободного произвола.

Носитель власти никогда не осуществляет ее от своего лица, а только от имени безличного «учреждения». Как особо подчеркивал Вебер, юридическое «отделение» государственного чиновника от средств управления в политической сфере, практически идентично «отделению» рабочего от средств производства в капиталистическом хозяйстве.

В основе легального господства лежит правовое начало, причем именно этот принцип оказался одной из необходимых предпосылок развития современного капитализма как системы формальной рационализации.

Самым чистым типом «легального» господства, по Веберу, являлась бюрократия. Он, впрочем, подчеркивал, что никакое господство не может быть только бюрократическим, поскольку на вершине политической иерархии находятся либо наследственные монархи, либо парламентские

лидеры, либо избранные народом, которые ставят формальный механизм управления на службу определенным политическим ценностям. Но даже при этом условия непрерывная повседневная работа ведется именно специалистами-чиновниками, или «машиной управления».

Легальное господство в наибольшей степени соответствует рациональной структуре экономики, поскольку бюрократическое управление означает господство посредством знания и в этом отношении носит специфически-рациональный характер.

Исследование Вебером бюрократии идет по трем основным направлениям:

- 1) анализ бюрократии как технически совершенного аппарата осуществления власти;
- 2) критика предпринимаемых бюрократией попыток «вырваться» за рамки присущих ей функций;
- 3) рассмотрение феномена бюрократии как отражения социальной структуры общества.

Если же говорить о бюрократическом «штабе управления» то он, по классификации Вебера, состоит из отдельных чиновников, которые:

- лично свободны и подчиняются только служебному долгу;
- имеют устойчивую служебную иерархию;
- имеют твердо определенную служебную компетенцию;
- работают в силу контракта, и, следовательно, на основе свободного выбора;
- работают в соответствии со специальной квалификацией;
- вознаграждаются постоянными денежными окладами;
- рассматривают свою службу как единственную или главную профессию;
- предвидят свою карьеру в соответствии со старшинством по службе или в соответствии со способностями, независимо от суждения начальника;

— работают в полном «отрыве от средств управления» и без присвоения служебных мест;

— подлежат строгой единой служебной дисциплине и контролю.

Д. Кеслер писал, что «Макс Вебер не открыл никакой проблемной области, которую уже ранее, независимо от него ни открыли или не нашли». Кеслер в данном случае не совсем прав, поскольку именно Веберу принадлежит первенство в изучении бюрократии как социального класса, а приведенное выше перечисление основных признаков чиновничьей бюрократии считается классическим.

Традиционный тип господства

Этот тип легитимного господства, по мнению Вебера, обусловлен «нравами», привычками к определенному поведению, причем речь здесь идет о вере не только в законность, но даже в священность издревле существующих порядков.

Наиболее показательным примером ученый считал патриархальную власть: отца семейства, мужа, старшего в роде — над членами семьи или рода; хозяина — над слугами; князя — над должностными лицами и вассалами. При патриархальном господстве наряду с системой весьма непреложных, священных норм, нарушение которых влечет за собой самые негативные последствия, действует абсолютный произвол господина.

Здесь, как правило, отсутствует формальное право и, соответственно, требование действовать «невзирая на лица». Отношения между управляющими и управляемыми носят сугубо личный характер, что способствует их прочности и устойчивости.

«Штаб управления» при данном типе господства состоит из лично зависимых от господина домашних чиновников,

родственников, лично ему верных друзей или вассалов, причем, в отличие от легального господства, именно личная верность служит основанием для назначения на должность или продвижения по иерархической лестнице.

Харизматический тип господства

Понятие «харизмы» (от греческого *charisma* — божественный дар), в соответствии с этимологическим содержанием этого слова, есть некая экстраординарная способность, некое качество индивида, выделяющее его из окружения.

Это качество не столько приобретенное, сколько врожденное, оно сродни «Божьей отметине». Сам Вебер относил к харизматическим качествам магические способности, пророческий дар, необыкновенную силу духа и слова. К харизматическим лидерам он причислял народных героев, выдающихся политиков и полководцев, основателей мировых религий, магов, пророков и провидцев, таких как Христос, Будда, Моисей, Магомет, Александр Великий, Цезарь и т. д.

Как считал Вебер, харизматический тип легитимного господства противоположен традиционному, который держится на привычке к раз и навсегда заведенному порядку. При харизматическом господстве управляемые, напротив, ждут чего-то необычного и экстраординарного.

В отличие от легального, харизматический принцип легитимности авторитарен. Это значит, что авторитет харизматического лидера базируется на его силе, прежде всего, на силе его внутреннего дара, а не на грубом физическом воздействии.

В глазах Вебера харизма является великой революционной силой в традиционном типе общества и способна придать ему нужную динамику. Однако, при всем различии и даже противоположности традиционного и харизматическо-

го типов господства, есть у них и одна общая черта. И тот и другой опираются на личные отношения между господином и его подданным. В этом отношении оба названных типа господства противостоят легально-рациональному как безличному.

Источником личной преданности харизматическому правителю являются не традиция и не признание его формального права, а, прежде всего, эмоциональная вера и преданность этой харизме. Поэтому, как отмечал Вебер, харизматический лидер должен заботиться о сохранении своей харизмы и постоянно ее демонстрировать.

«Штаб управления» при таком типе господства также комплектуется на основе личной преданности вождю. Рациональное понятие компетентности и сословно-традиционное понятие привилегии во внимание практически не принимаются.

И от традиционного и от легального типа господства харизматическое отличается абсолютным отсутствием установленных (по традиции или рационально) правил. После смерти или ухода с арены харизматического лидера очень серьезной проблемой становится вопрос о преемнике.

Плебисцитарная диктатура

В своих научных работах Вебер подчеркнуто безразличен к тем ценностям, которые несет в мир тот или иной харизматический лидер. Но легальное господство, по его мнению, в любом случае имеет меньшую легитимную силу, нежели традиционное или харизматическое.

А теперь попытаемся перенести сделанный Вебером вывод в плоскость практической государственной политики. Понятно, что легальное господство ассоциируется прежде всего с демократическими странами, традиционное — с монархиями и, наконец, харизматическое — с диктаторски-

ми режимами, наподобие гитлеровского или сталинского (до появления которых сам Вебер, впрочем, не дожил).

Для людей, воспитанных в духе приверженности к демократическим традициям, вывод о меньшей легитимности (а, следовательно, некоторой ущербности) легального господства может прозвучать неожиданно. Тем не менее Вебер объяснял свою позицию сугубо логическими доводами.

В чистом виде легальное господство, считал Вебер, не имеет ценностного фундамента, поскольку в основе этого типа лежит принцип формальной рациональности, который определяется через что-то другое. Так, парламентская демократия, признаваемая классическим либерализмом в качестве единственно правомерного законодательного органа, не имеет в себе достаточной легитимной силы в глазах масс. Дополнить демократию при такой схеме могут либо наследственный монарх (с урезанными конституцией правами), либо избранный в ходе плебисцита национальный лидер. В первом случае легитимность легального господства усиливается с помощью апелляции к традиции, во втором — апелляции к харизме.

В конце жизни Вебер пришел к выводу о необходимости дополнить парламентскую легальность плебисцитарной легитимностью. Национальный лидер, по его мнению, должен был избираться ни парламентом, а всем народом, что, в свою очередь, должно было давать вождю право в наиболее критических ситуациях обращаться к народу напрямую, через голову парламента.

Вебер, впрочем, никогда не подвергал сомнению саму необходимость существования парламента как органа, ограничивающего и контролирующего деятельность харизматического лидера. Более того, с точки зрения современного западного общества, нормальное функционирование государственного механизма возможно лишь при наличии трех взаимодополняющих моментов. Во-первых, речь идет об аппарате управления как рациональном средстве осуще-

ствления власти политического лидера; во-вторых — о харизматическом лидере, формулирующем и проводящем политическую программу, и, в-третьих, — о парламенте как инстанции, критически контрольной как по отношению к лидеру, так и к чиновничьему аппарату

В этой связи следует учитывать, что одним из мотивов, заставивших Вебера особо подчеркивать значение плебисцита, было стремление ограничить возрастающую роль аппарата буржуазно-демократических партий, или «партийной олигархии».

Последующий ход исторических событий выявил еще одну закономерность: параллельно развитию демократии усиливается процесс бюрократизации и отчуждения масс от принятия политических решений.

Вебер уловил эту тенденцию одним из первых в тот момент, когда обнаружил, что вовлечение масс в социально-политическую деятельность приводит к появлению больших организаций, институционализирует их, после чего эти организации становятся деструктивными для самой демократии. Но самая главная опасность, по его мнению, заключалась в том, что при бюрократической централизации практические решения принимают уже не миллионы людей, а элита государства, бизнес-корпораций, партий и профсоюзов.

Плебисцит против бюрократии

Признавая, что бюрократическое господство характерно для всех современных обществ, Вебер, вместе с тем, видел талящиеся в нем опасности, так называемые иррациональные элементы. Дело в том, что любая рациональная система имеет следующие тенденции:

1) заменять человека нечеловеческой, по сути, технологией (бюрократические правила, машины вместо живых конкретных людей);

2) сводить к минимуму фактор человеческого разума, что угрожает возникновению потенциальной возможности ее дегуманизации вообще;

3) воспроизводить в той или иной степени иррациональные последствия;

4) современные нечеловеческие технологии способны вызвать озлобление у самих чиновников, которые становятся функционально ненужными.

Но самая главная опасность заключалась, согласно Веберу, в том, что чиновник-функционер не способен обеспечить стабильное развитие государства и по-настоящему профессионально заниматься политикой.

Любой государственный служащий изначально воспитывается в духе дисциплины, а не инициативы и борьбы. Собственно, последние качества от него и не требуются, поскольку главная его задача заключается в наблюдении за соблюдением уже существующих норм и правил. А вот политические деятели, по Веберу, должны отбираться в процессе реальной борьбы, где они приобретали бы такие необходимые качества государственного деятеля, как решительность, инициативность, способность внушать веру и добиваться подчинения.

Поскольку формальный характер легального господства не имеет никаких собственных ценностей, ему в качестве необходимого дополнения требуется политический лидер, который был бы способен сформулировать определенные цели.

Но для того чтобы этот лидер имел необходимую легитимность, он должен обладать своеобразным «мандатом доверия» от народа, который, по мнению Вебера, он может приобрести только в ходе общенародного плебисцита.

Ученый в данном случае надеялся, что некий харизматический лидер, стоящий вне классов и демагогической политики различных партий, получив в результате плебисцита «мандат доверия», сможет объединить вокруг себя нацию

и защитить ее от давления со стороны бюрократии и «социалистического коллективизма». Как полагал Вебер, такой лидер с независимой от парламента базой власти сможет преодолеть раздробленность классовых интересов и стать объединяющим началом власти. При этом он будет обладать верховенством над бюрократией и одновременно окажется вне контроля со стороны политических партий и экономических группировок.

Как уже отмечалось, Веберу удалось добиться воплощения своих идей в политической практике Веймарской республики. Другое дело, что построенная при его участии модель заработала не так, как рассчитывали. В результате именно предоставленная «вождю» по конституции возможность апеллировать прямо к народу стала одним из обстоятельств, способствовавших приходу нацистов к власти. Гитлер оказался классическим харизматическим лидером, но, укротив бюрократию и преодолев разобщенность нации, он, в конечном счете, низвел народ до положения слепого орудия своей преступной воли.

Политики «по случаю» и «по совместительству»

Вебер в своих исследованиях практически никогда не затрагивал вопроса о том, какие именно идеи несет харизматический лидер. Но даже благие, на первый взгляд, идеи могут привести к самым катастрофическим последствиям. И проблема здесь заключается не только в недостатках того или иного лидера, но и в том, что «короля» зачастую играет «свита».

Впрочем, ошибки, допущенные Вебером, можно объяснить тем, что ему удалось застать только самое начало процесса, в результате которого на смену «старой доброй Европе» пришла Европа современная. Кардинальная ломка

существующих социально-экономических систем более-менее привела к смене элит и появлению новых типов политиков. Вебер пытался понять, что это за люди, и пришел к некоторым довольно показательным, выводам.

По мнению Вебера, кроме чиновников-бюрократов и харизматических вождей на арене появились так называемые «профессиональные политики» — люди, которые сами не стремились быть господами (то есть харизматическими вождями), но поступали к ним на службу. Все они делали из политики доходный промысел, а также обеспечивали себе идеальное содержание своей жизни.

В политику оказывались вовлеченными и другие индивиды. Дело в том, что «заниматься политикой» — то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них — можно как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т. д.

Политиками «по совместительству» Вебер называл всех тех доверенных лиц и правления партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этим лишь в случае необходимости. Такая деятельность не становится для них первоочередным «делом жизни» — ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои парламентариев, которые «работают» на нее лишь во время сессии.

Но есть еще те, кого Вебер называет...

«Преимущественно-профессиональные политики»

По мнению Вебера, есть два способа сделать из политики свою профессию. Либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики. Разумеется, это отнюдь не означает жесткой постановки вопроса «или—или». Различие касается гораздо более глубокой экономической стороны. **За счет** политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода, **для** политики — тот, у кого иная цель. В идеальных условиях политик должен быть независимым от доходов, которые может принести ему его профессия. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком. Либо как частное лицо занимать такое положение в обществе, которое приносит ему достаточный постоянный доход.

В докладе «*Политика как призвание и профессия*» Вебер особенно тщательно исследует те экономические мотивы, которые заставляют человека идти в политику.

Типичному обывателю при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние, но этого явно недостаточно: ведь тот, кто живет **для** политики, не должен зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения доходов. И рабочий, живущий на свою зарплату, и предприниматель (в первую очередь — промышленный предприниматель, поскольку в сельском хозяйстве работы носят сезонный характер) привязаны к своему предприятию.

Даже вполне состоятельный капиталист в большинстве случаев с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. Столь же трудно заместить, например, врача — и чем более талантливым и занятым он является, тем реже возможна замена. А вот адвоката заместить гораздо легче, чисто по производственно-техническим причинам, и поэто-

му в качестве профессионального политика адвокаты играют несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль.

Если же государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это неизбежно означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев.

Из последнего обстоятельства, впрочем, нельзя делать вывод, что плутократическое руководство предполагает отсутствие у политически господствующего слоя стремления жить также и **за счет** политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах.

Личный интерес в политике

Вебер вполне объективно полагает, что на самом деле вся мировая история свидетельствует об обратном. Для состоятельного человека забота об экономической «безопасности» своего существования является — осознанно или неосознанно — кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм если и обнаруживается, то в большинстве случаев именно у тех слоев, которые находятся вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка данного общества. В особенности это относится к необыденным, то есть революционным эпохам.

В обыденные же эпохи руководить политикой можно либо в порядке «почетной деятельности», и тогда ею занимаются, как обычно говорят/«независимые» (то есть состоятельные) люди, или же к политическому руководству допускаются немущие, и тогда они должны получать вознаграждение.

Профессиональный политик, живущий **за счет** политики, может быть чистым «пребэндарием», то есть чиновни-

ком на жалованье. В первом случае он извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия (чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов), либо получает твердое денежное вознаграждение (либо то и другое вместе).

Человек, занимающийся политикой, может превратиться в некое подобие «предпринимателя» (как арендатор, расценивающий свои издержки в качестве капиталовложения, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход), либо такой политик может получать твердое жалование, например, как редактор, партийный секретарь или министр.

Неслучайно едва ли не все партийные битвы ведутся не столько ради предметных целей, сколько за патронаж над должностями. Более того, ущемления при распределении должностей воспринимаются партиями гораздо болезненней, нежели противодействие их предметным целям.

Превращение политики в «предприятие», для работы на котором требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, обусловило разделение общественных функционеров на две категории: с одной стороны, это уже упоминавшиеся нами чиновники-специалисты, с другой — «политические» чиновники. Последние, как правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены, уволены или же «направлены в распоряжение». Таким образом, чиновник-специалист и в отношении всех своих обыденных потребностей оказывался в наиболее выгодном положении.

Все в той же речи *«Политика как призвание и профессия»* Вебер отмечал следующее: на сегодняшний день совершенно неясно, какую внешнюю форму примет предприятие политики как «профессии», а потому — еще менее известно, где открываются шансы для политически одаренных людей заняться решением удовлетворительной для них политической задачи. У тех, чье имущественное положение

вынуждает жить за счет политики, всегда будут определенные альтернативы — журналистика, работа в партийном аппарате, коммунальном управлении или же деятельность, связанная с представительством интересов: в профсоюзе, торговой палате, сельскохозяйственной палате, ремесленной палате, палате по вопросам труда, союзах работодателей и т. д.

Свертывая разговор на эту тему, Веберу оставалось только констатировать факт, что «партийный чиновник, как и журналист, имеет скверную репутацию „деклассированного“ элемента. Если прямо ему этого и не скажут, все равно у него будет гудеть в ушах: „продажный писатель“, „наемный оратор“. Тот, кто внутренне безоружен против такого отношения и не способен самому себе дать правильный ответ, пусть лучше подальше держится от подобной карьеры, ибо этот путь может принести горькое разочарование» (*«Политика как призвание и профессия»*).

Страсть, чувство ответственности, глазомер

Как видим, Вебер был далек от того, чтобы рассматривать политику как дело уважаемое и экономически выгодное. И вполне естественно, что при этом его интересовал вопрос: ради чего же люди идут на жертвы и занимаются столь «грязным делом»?

Прежде всего, считал Вебер, политика дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях возникает возможность влиять на людей и ощущать, что ты держишь в руках нерв исторически важного процесса. Но здесь перед конкретным политиком, по мнению Вебера, должен возникнуть вопрос: какие личные качества дают ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую она на него возлагает?

Дискуссия, таким образом, переносится в сферу этики, то есть в область, которая, скорее, считается враждебной политике. Вебера, впрочем, это не смущало, и он выделял три качества, необходимых политическому деятелю, — страсть, чувство ответственности, глазомер.

Под страстью в данном случае подразумевается ориентация на существо дела: страстная самоотдача тому «богу» или «демону», который этим делом повелевает. Однако одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. «Она не сделает вас политиком, — писал Вебер, — если, являясь служением „делу“, не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности» (*«Политика как призвание и профессия»*).

А для этого — в том-то, согласно Веберу, и состоит важнейшее психологическое свойство политика — требуется глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальности, иными словами, необходима дистанция по отношению к вещам и людям. «Отсутствие дистанции, только как таковое, — один из смертных грехов всякого политика, — и есть одно из тех качеств, которые воспитывают у нынешней интеллектуальной молодежи, обрекая ее тем самым на неспособность к политике. Ибо проблема в том и состоит: как можно втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер?

Политика „делается“ головой, а не какими-либо другими частями тела или души. И все же подлинная самоотдача политике должна быть вскормлена только страстью. Но полное обуздание души, отличающее страстного политика от «стерильно возбужденного» политического дилетанта, возможно лишь благодаря привычке к дистанции — в любом смысле слова».

Опасности тщеславия

Вебер считал, что политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага — обыкновеннейшее тщеславие.

В академических и ученых кругах этот порок является своего рода профессиональным заболеванием.

Но в случае с ученым этот порок относительно безобиден в том смысле, что, как правило, не мешает научному предприятию.

Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Стремление к власти у политика — вещь допустимая и вполне естественная. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится отражением каких-то личных посылов и не имеет ничего общего со служением «делу». Ибо в сфере политики, по большому счету, есть лишь один смертный грех: безответственность.

Тщеславие, то есть потребность все время быть «на переднем плане», согласно Веберу, сильнее всего вводит политика в искушение совершить этот смертный грех. Чем больше демагог считается с «эффектом», тем быстрее он превращается в «фигляра», переставая нести ответственность за свои действия и интересуясь лишь произведенным «впечатлением».

И поскольку «...власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой». Политик, занимающийся своей деятельностью исключительно из любви к одной только власти, способен оказывать на людей мощное воздействие. Но в этом случае его действия фактически уходят в пустоту и бессмысленность, а сам он является лишь продуктом «в высшей степени жалкого и поверхностного чванства» (*«Политика как призвание и профессия»*).

«Наука как призвание и профессия»

Так называлась последняя знаковая работа Вебера, ставшая для него чем-то вроде «лебединой песни». В ней он много размышлял все о том же «профессиональном призвании», о необходимости каждого человека посвятить себя делу, но главной для него становится именно проблема ответственности.

Миссия ученого (и в первую очередь ученого-социолога), по мнению Вебера, заключается в том, чтобы поставить человека перед выбором, объяснив ему закономерности того или иного социального процесса и возможные последствия, которые, в свою очередь, зависят как от намерений участников, так и от избранных средств. «Мы можем, если понимаем свое дело (что здесь должно предполагаться), заставить индивида дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности. Такая задача мне представляется отнюдь не маловажной, даже для чисто личной жизни» (*«Наука как призвание и профессия»*, 1920).

Для этого ученый должен иметь ясное мышление, четко осознавать всю меру своей ответственности и, главное, быть «интеллектуально честным». При этом интеллектуальная честность, по мнению Вебера, не исчерпывается обычной объективностью, хотя и предполагает ее. Объективность — не более чем средство достижения искомого, в то время как быть интеллектуально честным означает, прежде всего, мужество оставаться честным перед самим собой.

Именно поэтому, вновь обращаясь к созданной им концепции свободы от оценочных суждений, Вебер настаивал: совершенно недопустимо внушать студенту свое мировоззрение независимо от того, достаточно ли оно интересно или компромиссно. «Пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории <...> И я считаю безответственным пользоваться тем, что студенты ради своего будущего должны посещать лекции преподавателей и что там нет нико-

го, кто бы мог выступить против него с критикой; пользоваться своими знаниями и научным опытом не для того, чтобы принести пользу слушателям — в чем состоит задача преподавателя, — а для того, чтобы привить им свои личные политические взгляды».

В идеале студента, согласно Веберу, следует обучить способности находить удовлетворение в решении поставленной перед ним задачи, умению исходить из фактов, в том числе ему неприятных, и подавлять при изучении научной проблемы личные интересы и пристрастия.

«Личностью можно стать, — пишет Вебер, — лишь полностью отдаваясь своему делу. Вносить же в объективное исследование личные мотивы противоречит сущности научного мышления».

И в заключение приведем еще одно высказывание из работы *«Наука как призвание и профессия»*, которое позволяет лучше понять то, каких ценностей придерживался сам Макс Вебер: «Без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что „должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут“, удастся ли тебе твоя догадка, — без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-то другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью».

Эпилог

Отдавался ли полностью своему делу сам Вебер? Судя по всему — да, хотя, если быть объективным, человек в ряде случаев брал в нем верх над ученым.

В любом случае сегодня он известен намного больше, чем при жизни, причем эта известность выходит далеко за пределы социологической науки, распространяясь и на смежные

научные дисциплины — историю, философию, экономику, политологию, религиоведение.

Подобно Сократу, он умел задавать вопросы, и хотя не всегда давал на них четкие и однозначные ответы, ему удалось, по крайней мере, обратить внимание исследователей на те сферы, которые ранее выпадали из их поля зрения.

Та методология, которая была создана Вебером, хотя и не стала универсальным инструментарием, но и сегодня используется в социологической науке, с ее помощью многие современные исследователи пытаются толковать прошлое и давать прогнозы на будущее.

Неслучайно, как отмечают авторы фундаментальной работы *«Западная социология»* (СПб., 2003), «Макса Вебера следует рассматривать в качестве одной из ключевых фигур, обращение к которым во многом открывает перспективу плодотворного обсуждения вопросов, направленных на укрепление позиций социологической науки. Это особенно актуально в связи с затянувшимся кризисом, затрагивающим ее статус в современном мире. При всей фундаментальности позиции М. Вебера в социологии, его отношения с научным сообществом социологов никогда не были безоблачными. Его творческая деятельность и научное наследие, как показывает история, практически всегда оставались предметом научных дискуссий „с ним“ и „о нем“».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСА ВЕБЕРА

- 1864, 21 апреля — Макс Вебер родился в Эрфурте (Тюрингия).
- 1869 — переезд семьи Веберов в Берлин.
- 1882 — окончание классической гимназии и поступление в Гейдельбергский университет.
- 1883—1884 — служба в армии и получение офицерского звания.
- 1884-1886 — учеба в Берлинском университете.
- 1886—1889 — учеба в Геттингенском университете.
- 1889 — защита диссертации «*К истории торговых обществ в Средние века*».
- 1891 — работа приват-доцентом в Берлинском университете.
- 1893 — защита диссертации «*Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права*», женитьба на Марианне Шнитгер.
- 1894 — работа в должности профессора политической экономии в университете Оренбурга.
- 1896 — работа в должности профессора национал-экономии и финансов в университете Оренбурга.
- 1897—1901 — тяжелый душевный кризис, вызванный смертью отца.
- 1903 — вместе с Э. Яффе и В. Зомбартом начинает издавать «*Архив социальной истории и социальной политики*».
- 1904 — поездка в США на Интернациональный конгресс искусства и науки.
- 1905 — выход в свет работы «*Протестантская этика и дух капитализма*».
- 1906 — публикация в России первая книга М. Вебера «*Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии*».
- 1909 — участие в учредительном конгрессе Немецкого социологического общества, редакторская работа над многотомными «*Очерками социальной экономики*», в которых впоследствии будет опубликована самая главная книга Вебера «*Хозяйство и общество*».
- 1914—1917 — работа директором Гейдельбергского военного госпиталя.
- 1917—1919 — преподавание в Венском университете.
- 1919 — возвращение в Германию и преподавание в Мюнхенском университете; участие в качестве эксперта в Версальской мирной конференции и в работе над Конституцией Веймарской республики.
- 1920, 14 июня — Макс Вебер умер в Мюнхене от пневмонии.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАКСА ВЕБЕРА, ИЗДАНЫЕ В РОССИИ

- Аграрная история древнего мира*. М., 1923.
- Биржа и биржевые сделки*. Одесса, 1897.
- Биржа и ее значение*. СПб., 1897.
- Город*. П., 1923.
- Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии*. СПб., 1906.
- История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории*. М., 1923 (переиздана: М., 2001).
- Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век. Антология*. М., 1995.
- Избранные произведения*. М., 1990 («Критические исследования в области логики наук о культуре», «Наука как призвание и профессия», «Объективность социально-научного и социально-политического познания», «О некоторых категориях понимающей социологии», «Основные социологические понятия», «Политика как призвание и профессия», «Предварительные замечания», «Протестантская этика и дух капитализма», «Протестантские секты и дух капитализма», «Теория степеней и направлений религиозного неприятия мира», «Смысл „свободы от оценки“ в социологической и экономической науке»).
- Избранное. Образ общества*. М., 1994 («Город», «Рациональные и социологические основания музыки», «Социальные причины падения античной культуры», «Социология религии. Типы религиозных сообществ», «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира», «Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Введение»).

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдено П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
- Голосенко И. А.* Идеи Вебера в России 20-х годов // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб., 1997.
- Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А.* Западная социология. СПб., 2003.
- Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1988.
- Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб., 1996.
- Кеслер Д.* Макс Вебер // Немецкая социология. СПб., 2003.
- Кравченко А. И.* Социология Макса Вебера. М., 1997.
- Кравченко Е.* Макс Вебер. М., 2003.
- Неусыхин А. И.* Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки // Под знаменем марксизма. 1927. № 9, 12.
- Шпакова Р. П.* Проблемы социального познания в концепции идеальных типов Макса Вебера // Вопросы философии. 1986. № 5.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ЖИЗНЬ УЧЕНОГО.....	4
Семья.....	4
Детство и отрочество.....	6
Поднявший копье.....	7
Самые счастливые годы.....	9
Болезнь.....	11
Меж Кантом и Ницше.....	12
Возвращение в науку.....	12
Вебер и Россия.....	14
Перед войной.....	15
Война.....	16
В новой Германии.....	17
В мечтах о Цезаре.....	19
Кончина.....	20
Посмертная слава.....	22
Труднодостижимость Макса Вебера.....	23
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ.....	24
«Протестантская этика и дух капитализма».....	24
Лютеранство.....	25
Капиталистический дух порожден аскетизмом.....	27
Кальвинизм.....	28
«Трудитесь в поте лица на стезе своей».....	29
«Нюансы» протестантской этики.....	31
О «духе» других религий.....	33
Конфуцианство как образец межсловной религии.....	35
Классификация религий.....	36
Рационализация по Веберу.....	38
Уязвимость веберовского рационализма.....	40
Вебер и Маркс как исследователи капитализма.....	42
МЕТОДОЛОГИЯ МАКСА ВЕБЕРА.....	44
Зарождение метода.....	44
О науках естественных и науках гуманитарных.....	45

«Понять жизнь в ее своеобразии».....	47
«Идеальные типы».....	49
«Ценность» по Веберу.....	51
«Свобода от оценки» и объективность ученого.....	54
Веберовское «понимание».....	55
Теория социального действия.....	56
О социальных отношениях.....	59
Социальные образования.....	60
Веберовские классы.....	62
Борьба за статус.....	64
Значение методологии Макса Вебера.....	65
ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА.....	67
Макс Вебер — несостоявшийся политик?.....	67
Власть и «господство».....	69
Типы «господства».....	70
Легитимность.....	71
Легальный тип господства.....	73
Традиционный тип господства.....	75
Харизматический тип господства.....	76
Плебисцитарная диктатура.....	77
Плебисцит против бюрократии.....	79
Политики «по случаю» и «по совместительству».....	81
«Преимущественно-профессиональные политики».....	83
Личный интерес в политике.....	84
Страсть, чувство ответственности, глазомер.....	86
Опасности тщеславия.....	88
«Наука как призвание и профессия».....	89
Эпилог.....	90
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСА ВЕБЕРА.....	92
ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАКСА ВЕБЕРА, ИЗДАННЫЕ В РОССИИ.....	93
ЛИТЕРАТУРА.....	94